

259
A 229

В. В. Розановъ

ПРИРОДА И ИСТОРИЯ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

Издание П. Перцова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Меркушева, Невскій просп., № 8.

1900

Статьи, собранныя въ настоящей книгѣ, были напечатаны межд
1889—1898 гг. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Русскомъ Обзорѣнн“, „Жу
налѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, „~~Вопросахъ~~ Вопросы
Философіи Психологіи“ и „Новомъ Времени“.

Вопросъ о происхожденіи организмовъ.

«Дарвинизмъ». Критическое изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго. Томъ II (одна посмертная глава). Съ портретомъ и указателями ко всему сочиненію. С.-Петербургъ, 1889 г.

Второй томъ критическаго изслѣдованія Н. Я. Данилевскаго долженъ былъ содержать разборъ ученія Ч. Дарвина о происхожденіи челоуѣка. Смерть неожиданно прервала работу автора, и теперь являющаяся глава есть единственное, что онъ успѣлъ приготовить для этого втораго тома. Она посвящена разбору ученія объ экспрессіи, которая во многихъ случаяхъ является общею у челоуѣка и животныхъ и указываетъ, по мнѣнію Дарвина, на происхожденіе перваго отъ какой-то формы вторыхъ. Въ свое время глава эта была напечатана на страницахъ «Русскаго Вѣстника» (1887 г., май), и потому мы не будемъ ничего говорить о ней. Въ настоящемъ изданіи она сопровождается обширнымъ введеніемъ, написаннымъ Н. Н. Страховымъ, и нѣсколькими указателями. Введеніе относится не къ изданной теперь главѣ, но ко всему критическому изслѣдованію Н. Я. Данилевскаго и можетъ служить руководящею нитью при изученіи этого обширнаго труда; указатели предназначены облегчать всевозможныя справки въ немъ.

I.

Высокій интересъ, который связанъ съ теоріею Дарвина и ея критикою, обуславливается тѣмъ, что она явилась косвеннымъ разрѣшеніемъ вопроса, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ тревожившаго челоуѣческое сознаніе, — вопроса о причинности и цѣлесообразности. Въ философскихъ школахъ древней Греціи и въ средневѣковыхъ университетахъ, среди послѣдователей картезіанизма и между учениками Кьюве, — всякій разъ, когда поднимался этотъ вопросъ, челоуѣческая мысль глубоко волновалась, и люди раздѣля-

лись на враждующія стороны. Лежить-ли въ основѣ міростроенія и міроразвитія одинъ который-нибудь изъ двухъ называемыхъ принциповъ, или, по недостаточности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, они должны быть признаны оба—вотъ сомнѣніе, разрѣшеніе котораго, всякій чувствовалъ, должно не только повліять на весь кругъ наукъ, но и опредѣлить судьбу многихъ глубокихъ вѣрованій человѣка, на которыхъ, сознательно или безсознательно, до сихъ поръ всегда покоилась его жизнь. Въ разгадкѣ этого вопроса содержится не только указаніе, какъ единственно можетъ человѣкъ понимать природу и объяснять ея явленія, но и отвѣтъ на то, слѣдуетъ-ли ему видѣть въ себѣ самомъ и въ своей мысли фактъ одиночный въ мірозданіи, безъ аналогій, безъ какихъ-либо связей съ нимъ, болѣе интимныхъ и глубокихъ, нежели какія существуютъ между зрителемъ и наблюдаемымъ предметомъ.

Правда, самъ Дарвинъ ничего не говорилъ объ этомъ вопросѣ; но едва появилась его теорія—всѣ почувствовали, что она служитъ именно отвѣтомъ на него. Какъ натуралистъ, онъ взялъ свою задачу гораздо уже, но и вмѣстѣ—съ самой трудной ея стороны. Ничего не говоря о мірозданіи и строго воздерживаясь отъ философскихъ соображеній, онъ объяснилъ одну часть въ немъ и выполнилъ это съ помощью простыхъ и ясныхъ приемовъ, установившихся въ естествознаніи. Онъ подмѣтилъ нѣкоторые процессы, имѣющіе мѣсто въ природѣ, создалъ нѣкоторыя предположенія, не имѣющія въ себѣ ничего невѣроятнаго, и искусно дополнивъ первые вторыми—далъ объясненіе происхожденію и устройству органическаго міра, исключаящее цѣлесообразность. И такъ какъ органическій міръ яснѣе, чѣмъ все другое въ природѣ, обнаруживалъ въ своемъ строеніи и развитіи присутствіе цѣлесообразности, то, разъ показана была мнимость этой послѣдней, не оставалось никакихъ причинъ удерживать ее, въ качествѣ объясняющаго принципа, и для остальныхъ частей космоса.

Здѣсь мы должны остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ ученія, созданнаго Дарвинымъ. Несомнѣнно устранивъ цѣлесообразность, какъ объясняющее начало, онъ не назвалъ однако своего объясненія и причиннымъ. И чѣмъ внимательнѣе послѣдователи и антагонисты этой теоріи вдумывались въ ея смыслъ, тѣмъ болѣе затруднялись они въ опредѣленіи ея значенія: одни не видѣли въ ней причиннаго объясненія; другіе утверждали, что она носитъ причинный характеръ, и что только объясняющія причины должны быть отнесены въ глубь времени. Ясно, что и для тѣхъ, и для другихъ причинный характеръ объясненія не былъ отчетливъ, твердо убѣдителенъ. И вотъ на ряду съ двумя единственными объясненіями, которыя возможно было бы ожидать для всякаго происхожденія и устройства, очень упорно называется третье—объясненіе черезъ *случайное*.

Въ теоріи Дарвина есть одна особенная странность, которая и породила это недоразумѣніе, но она почему-то никѣмъ не почувствована съ достаточною живостью и яркостью. Будучи (по задачѣ своей) теоріею происхожденія органическихъ формъ, она въ дѣйствительности говоритъ только объ ихъ сохраненіи; или точнѣе и строже: о несохраненіи формъ, за исчезновеніемъ которыхъ остались тѣ, которыя наблюдаются. Всѣ процессы, указываемые въ природѣ, имѣютъ лишь это послѣднее значеніе, но лишены какой бы то ни было созидающей, производящей силы. Наслѣдственность передаетъ потомству измѣненія, возникшія у предковъ; размноженіе организмовъ въ геометрической прогрессіи и вытекающая отсюда борьба за существованіе, уничтожая неизмѣненныя благоприятно особи, способствуетъ сохраненію тѣхъ, которыя измѣнены благоприятно. И здѣсь и тамъ *измѣненія разсматриваются, какъ уже данное*; а то, что объясняется теоріею, есть лишь процессъ сохраненія. И это необыкновенно странно для ученія, которое и само себя понимаетъ, и принимается другими, какъ ученіе о происхожденіи, о генезисѣ,—о томъ, въ чемъ есть движеніе и варіированіе: способъ возникновенія измѣненій, а не ихъ сохраненія, есть основная задача, разрѣшенія которой мы ожидали бы отъ подобнаго ученія. Естественный или искусственный подборъ, даже если онъ дѣйствуетъ вѣчность, только присоединяетъ, «суммируетъ», по выраженію Дарвина, одну новую черту въ организмъ съ другою, уже ранѣе возникшею. *Но и то, что онъ присоединяетъ, и то, къ чему присоединяетъ, возникло помимо его и ранѣе, чѣмъ онъ началъ свое дѣйствіе*. Онъ же не созидаетъ ни одной новой черты въ организмъ; къ тому, что есть въ природѣ, не присоединяетъ даже іоты. Такимъ образомъ, въ теоріи этой являются страннымъ образомъ смѣшанными понятіе возникновенія, появленія, и понятіе сохраненія, не исчезанія только. Отсюда вытекаетъ то, что ея причинный характеръ такъ не ясенъ. Никакое возникновеніе не можетъ происходить иначе, чѣмъ которымъ-нибудь изъ этихъ двухъ способовъ: причиннымъ или цѣлесообразнымъ; но разрушеніе или сохраненіе возникшаго можетъ быть результатомъ случайности, и вотъ почему это послѣднее понятіе—столь несомвѣстимое съ представленіемъ возникающаго, образующагося—такъ упорно прилагается къ дарвинизму и дѣйствительно совмѣщается съ нимъ, какъ теоріею и не имѣющею объяснить какое-либо происхожденіе.

Здѣсь мы дадимъ кстати опредѣленіе *случайнаго*—понятія, отъ котораго не въ силахъ ни освободиться наука, такъ какъ оно, очевидно, имѣетъ мѣсто въ жизни природы и человѣка, ни какъ-нибудь овладѣть имъ, признать его, потому что оно, повидимому, ускользаетъ отъ опредѣленія причинности—совершенія по основаніямъ, чему все должно быть подчинено. Есть масса явленій, относительно которыхъ всѣ живо чувствуютъ, что они не находятся къ окру-

жающему въ отношеніи толчка и движенія, причины и слѣдствія: что тутъ замѣшано что-то иное, чему и принадлежитъ все ихъ значеніе,—и ихъ отдѣлили въ особую область, которой дали имя случайнаго. Въ дѣйствительности *явленіе, которое мы называемъ случайнымъ, есть синтезъ двухъ простыхъ, изъ которыхъ каждое причинно, но не въ томъ ряду, въ которомъ причинно другое, и оба не согласованы ни въ чемъ третьемъ.* Такимъ образомъ, случайное относится къ положенію, а не къ существованію,—и не къ элементамъ предмета или явленія, но къ ихъ синтезу, который въ возможности, потенціально, всегда существовалъ, и только поэтому получилъ реальныя формы, когда эти элементы соприкоснулись. Такъ, смерть человѣка отъ паденія обломка скалы, подъ которою онъ шелъ (типичный примѣръ случайнаго) есть сложеніе двухъ простыхъ явленій: 1) того, что онъ шелъ въ данномъ мѣстѣ, 2) того, что въ это время сюда упалъ обломокъ скалы; и оба эти явленія въ отдѣльности причинны, но только каждое въ особомъ ряду, для котораго не существуетъ другаго ряда, ни какого-либо звена его. И самый синтезъ ихъ,—смерть человѣка происшедшимъ способомъ, всегда существовалъ, но лишь въ сферѣ неопредѣленной возможности (въ ряду другихъ безчисленныхъ способовъ умиранія) и теперь выдѣлился изъ нея, сталъ дѣйствительностью, какъ выдѣляется звукъ отъ удара двухъ цѣпей, въ которыхъ (явно) его не было, и въ которыхъ (въ возможности) онъ былъ. Такимъ образомъ, случайное не нарушаетъ причинности; но только эта послѣдняя проявляется здѣсь особымъ характернымъ способомъ: фактъ случайный есть тотъ, который происходитъ какъ бы не отъ своей причины, а отъ того, что есть слѣдствіе въ инсмъ причинномъ ряду—съ этимъ фактомъ, однако, не согласованномъ (что было бы цѣлесообразностью). Онъ порождается пересѣченіемъ двухъ или болѣе процессовъ независимаго происхожденія; впаденіемъ звена одного процесса въ рядъ звеньевъ другаго, что на моментъ разрываетъ ихъ и производитъ третье явленіе (случайное), которое въ цѣлости своей не содержалось ни въ которомъ изъ встрѣтившихся процессовъ (видимая безпричинность случайнаго), но *какъ часть, ожидающая лишь дополненія остальныхъ частей до цѣлаго*, содержалось въ каждомъ процессѣ порознь (дѣйствительная причина случайнаго). Въ сферѣ-скрыто предустановленнаго, что мы называемъ потенціальностью, находятъ свое примиреніе и объясненіе случайное и причинное.

Это опредѣленіе случайнаго охватываетъ, какъ кажется, всѣ явленія, которымъ мы могли бы дать это имя. И подъ него подходит также естественный подборъ, какъ синтезъ нѣсколькихъ процессовъ независимаго происхожденія, между собою не согласованныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, вотъ его факторы: 1) индивидуальныя измѣненія, появляющіяся въ особяхъ случайно и во всевоз-

можныхъ направленіяхъ, 2) условія внѣшняго существованія, которыя могли бы болѣе согласоваться съ одними изъ появляющихся измѣненій, нежели съ другими, которыя также появляются, 3) геометрическая прогрессія размноженія, 4) недостаточность средствъ существованія для всѣхъ особей, сколько бы ихъ ни произошло, и 5) случайное спариваніе особей благопріятно измѣненныхъ съ особями получившими такія же измѣненія (теперь или въ далекомъ потомствѣ). Всѣ эти пять факторовъ случайны по отношенію другъ къ другу, ихъ отношеніе чисто внѣшнее, ни который изъ нихъ не содержитъ въ себѣ остальныхъ и самъ въ нихъ не содержится. Но изъ нихъ два: индивидуальныя измѣненія и спариваніе одинаково измѣненныхъ индивидуумовъ—случайные не только въ отношеніи къ остальнымъ факторамъ, но и каждый внутри себя, во всякомъ отдѣльномъ звенѣ своемъ. И въ самомъ дѣлѣ: каждое измѣненіе случайно (по Дарвину), такъ какъ оно не находится ни въ какомъ отношеніи къ предъидущимъ измѣненіямъ, отъ нихъ нисколько не зависитъ, и не подчинено вмѣстѣ съ тѣмъ какому-либо закону. Здѣсь случайное достигаетъ той степени своей—той высоты, гдѣ она теряетъ всякое отношеніе къ причинному, и мы отказываемся допустить, чтобы она имѣла мѣсто въ природѣ. Второй факторъ—спариванье, случайно также въ каждомъ своемъ элементѣ порознь, но лишь въ строгомъ и ограниченномъ смыслѣ того опредѣленія, которое мы дали выше для случайнаго: въ отдѣльности каждое спариванье обуславливается не цѣлью предъидущихъ спариваній, а (случайною) встрѣчею особей, которыя одинаково измѣнены. И между тѣмъ, эти два фактора суть самые важные въ естественномъ подборѣ: имъ однимъ принадлежитъ охраняющее значеніе въ природѣ, прочіе же всѣ объясняютъ только, какъ погибло, почему не сохранилось то, что и не наблюдается, чего нѣтъ въ формахъ органическаго міра (уничтоженіе неблагопріятно измѣненныхъ особей въ борьбѣ за существованіе).

Построивъ теорію естественнаго подбора, Дарвинъ описалъ только то, что происходитъ на поверхности природы—различныя комбинаціи уже возникшаго; но онъ не объяснилъ самаго возникновенія, не заглянулъ внутрь природы—туда, гдѣ совершаются ея глубокіе и скрытые процессы. Этотъ недостатокъ теоріи: то, что, имѣя объяснить, какъ *происходитъ*, она объясняетъ лишь, какъ *сохраняется*,—есть основной въ ней, за которымъ мы не хотимъ даже разсматривать остальныхъ недостатковъ. Въ сущности все, о чемъ идетъ споръ между дарвинистами и ихъ противниками, т.-е. нивелирующее вліяніе скрещиванія или возможность подбора и при немъ—все это вовсе не касается органическихъ новообразованій. Споръ идетъ только о томъ, что дѣлается съ первоначальнымъ индивидуальнымъ измѣненіемъ: онъ *не переступаетъ за границу этого вопроса и не можетъ этого сдѣлать*, потому что лишь одно это измѣ-

неніе, его дальнѣйшая судьба, разъ оно случайно возникло, составляетъ весь предметъ теоріи—то, о чемъ она написана. Пусть говорятъ, что существованіе этихъ индивидуальныхъ измѣненій общеизвѣстно, что они бываютъ всевозможнаго характера; это нисколько не дѣлаетъ ихъ понятными для насъ, а ихъ разнообразіе не свидѣтельствуетъ объ ихъ беспорядочности, объ отсутствіи какого-либо закона при ихъ возниканіи. Именно эти измѣненія, открытіе порядка въ ихъ появленіи и изслѣдованіе причинъ послѣдняго—и есть задача науки о происхожденіи органическаго міра; и то, что мы окружены ими, что мы все знаемъ, что онѣ есть,—говоритъ только о томъ, что мы живемъ въ морѣ органической жизни, не замѣчая его, какъ не замѣчаемъ воздуха, которымъ дышемъ, и не хотимъ понять, что это и есть самое интересное и самое нужное, что намъ предстоитъ изслѣдовать. Теорія же подбора этотъ именно вопросъ и обходить.

II.

И здѣсь, разъ вопросъ идетъ о *возникновеніи* объ органическихъ *новообразованіяхъ*, тотчасъ выступаетъ возможность и необходимость говорить о причинности и цѣлесообразности.

Причинность и цѣлесообразность суть два различные способа соединенія звеньевъ, которыя слагаютъ изъ себя процессъ, совершеніе; то, что варьируетъ въ природѣ, въ послѣдующія времена не остается тѣмъ же, чѣмъ было въ предыдущія. Присутствіе одного или другого способа налагаетъ извѣстныя опредѣленныя черты на самый процессъ, и наблюдая ихъ—мы можемъ открыть его. Какъ и повсюду въ наукѣ, здѣсь пріобрѣтаетъ опредѣленный смыслъ и становится возможною для разрѣшенія задача: по данному наблюдаемому опредѣлить скрытое, что съ нимъ связано нѣкоторымъ опредѣленнымъ способомъ.

Такимъ образомъ, зависимость формы процесса и того, что возникаетъ по его окончаніи, отъ способа соединенія звеньевъ, изъ которыхъ слагается онъ—есть первое, что предстоитъ разрѣшить въ вопросѣ о причинномъ или цѣлесообразномъ происхожденіи и устройствѣ органическаго міра.

Различіе между причинностью и цѣлесообразностью состоитъ въ различномъ отношеніи наблюдаемаго измѣненія къ тому, что служитъ для него основаніемъ. Всякій разъ, когда это основаніе или предшествуетъ ему во времени, или съ нимъ одновременно—мы называемъ самое измѣненіе причиннымъ; напротивъ, если это основаніе лежитъ въ томъ, что слѣдуетъ за измѣненіемъ во времени—мы называемъ измѣненіе цѣлесообразнымъ. Такъ, движеніе, вызванное толчкомъ, или колебаніе различной цѣны продукта въ зависимости отъ спроса и предложенія, есть измѣненіе причинное; построеніе же зданія или установленіе какихъ-нибудь политиче-

сихъ отношеній есть измѣненіе цѣлесообразное, такъ какъ здѣсь ожидаемое въ будущемъ есть основаніе, по которому совершается и съ чѣмъ сообразуется то, что происходитъ. Ясно, что, такъ какъ предшествованіе, одновременность и послѣдованіе исчерпываютъ возможныя отношенія между собою звеньевъ и во всякомъ процессѣ, то никакого иного характера, кромѣ причиннаго или цѣлесообразнаго, между ними не можетъ существовать. Они исчерпываютъ собою сферу варіированія въ природѣ, не оставляя мѣста въ ней для чего-либо третьяго.

Эта невозможность третьяго допускаетъ при частныхъ изслѣдованіяхъ природы замѣну прямого и положительнаго доказательства (гдѣ оно почему-либо неудобно) — косвеннымъ и отрицательнымъ: всякій разъ, когда достаточно обнаружено, что данный процессъ не есть причинный, — съ равною достаточностью обнаружено, что онъ цѣлесообразенъ, и наоборотъ.

Теперь установимъ важнѣйшія соотношенія, которыя существуютъ между звеньями всякаго процесса, совершающагося по способу механически дѣйствующей причинности. Эти соотношенія вытекаютъ изъ самыхъ понятій «причины» и «дѣйствія», — и изъ условія, что первая здѣсь или предшествуетъ второму, или съ нимъ одновременна. Вслѣдствіе того, что очевидность этихъ соотношеній очень близка къ аксіоматичности, строгое доказательство ихъ очень трудно и сложно. Мы поэтому опустимъ здѣсь эти доказательства, не отказываясь однако представить ихъ, еслибъ это потребовалось. Но, по очевидности нижеприводимыхъ положеній, требованія доказать ихъ едва ли можно ожидать. И въ механикѣ такія понятія, какъ инертность, не доказываются, но лишь разъясняются. При механически дѣйствующей причинности:

I. То, въ чемъ измѣненіе, и то, откуда оно, всегда раздѣльны. Этого первый и основной принципъ устанавливаетъ двойственность во всякомъ механическомъ процессѣ, отрицаетъ единство существа, въ которомъ онъ могъ бы быть замкнутъ. Какимъ бы внутреннимъ ни представлялось для насъ явленіе (напримѣръ, въ органахъ растенія или животнаго) — всякій разъ, когда мы называемъ его причиннымъ, мы ничего другого и не говоримъ о немъ, какъ только то, что оно вызвано основаніемъ, которое лежитъ внѣ его, что оно произведено или предшествующимъ, или окружающимъ. Представленіе раздѣльности причиняющаго и того, чему что-либо причиняется, не отдѣлимо отъ представленія механизма; оно тождественно съ нимъ, есть его опредѣленіе. При этомъ, когда основаніе предшествуетъ измѣненію — оно отдѣлено отъ него временемъ; когда одновременно съ нимъ — отдѣлено пространствомъ, не совмѣщается съ нимъ.

Это первое положеніе о механически дѣйствующей причинности, которое мы назвали бы принципомъ раздѣльности измѣняю-

щаго отъ измѣняемаго, влечетъ за собою нѣкоторыя слѣдствія, которыя могутъ считаться только его модификаціями; они слѣдующія:

1) Причиненіе въ механически совершающемся процессѣ всегда бываетъ наружное; отсутствіе чего-либо внутренняго есть постоянный и необходимый признакъ всякаго механическаго процесса въ его цѣломъ.

2) Измѣняемое по механически причинному способу всегда бездѣтельно по отношенію къ этому измѣненію, которое въ немъ возникаетъ. Это—извѣстное начало инертности, которое признается въ механикѣ первоначальнымъ требованіемъ для вещества и логически распространяется на все, о чемъ мы утверждаемъ, что оно подчинено только механизму. Если съ неопредѣленнаго вещества разсматриваемаго въ механикѣ, мы перенесемъ понятіе инертности на отдѣльныя существа, то можемъ разумѣть подъ нею ихъ безразличіе къ тому, чѣмъ стать.

Замѣтимъ, что принципъ инертности не есть первоначальный для вещества, какъ это устанавливается въ механикѣ: онъ вытекаетъ какъ слѣдствіе изъ наружности всякаго механическаго причиненія, которое въ свою очередь опирается на раздѣльность въ немъ измѣняющаго отъ измѣняемаго. Однако, принципъ этотъ необыкновенно важенъ. Онъ кладетъ грань, откуда расходятся два великіе порядка природы: одинъ, въ которомъ господствуетъ безжизненное подчиненіе—это мертвая природа, и другой, въ которомъ господствуетъ вѣчная дѣятельность—царство жизненнаго напряженія.

Нельзя обойти молчаніемъ, что изъ принципа инертности прямо вытекаетъ требованіе, что сила, какъ причина измѣненія, имѣетъ наружное положеніе по отношенію къ веществу, что она не есть его свойство, нисколько не истекаетъ изъ него, но напротивъ облекаетъ его собою и движетъ; по крайней мѣрѣ это такъ по отношенію ко всякой силѣ, дѣйствующей по способу механической причинности. Представленіе, что сила есть свойство вещества, какъ кажется, не имѣетъ другаго основанія, кромѣ такъ часто повторяемой мысли, что «нѣтъ силы безъ вещества». Но это основаніе таково, что на него нечего опереть: не все то, что неизмѣнно сопутствуетъ другому, что отъ него не отдѣлимо, есть поэтому и его свойство. Вогнутость не отдѣлима отъ выпуклости, и однако равнозначуща ей и противоположна по направленію. Постоянно сопутствующее другъ другу, тотчасъ исчезающее съ исчезновеніемъ другаго—не всегда относится даже къ одному порядку явленій: чувство грусти, выраженное въ нарисованномъ образѣ и волнуемое насъ, не отдѣлимо отъ чертъ и красокъ, которыми нарисованъ образъ, и однако не имѣетъ съ ними ничего общаго. Замѣтимъ еще, что сила всемірнаго тяготѣнія или дѣйствуеетъ не такъ, какъ

это представлялъ Ньютонъ, или, если его представленіе было справедливо—она не есть сила механическая. Единственный способъ представленія ея, совмѣстный съ механизмомъ, есть тотъ, который придуманъ былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія женевскимъ ученымъ Лесажемъ. И дѣйствительно, очень простое соображеніе можетъ убѣдить, что причина взаимнаго тяготѣнія тѣлъ другъ къ другу не можетъ лежать въ самыхъ тѣлахъ, какъ ихъ свойство, но внѣ ихъ, снаружи, какъ нѣчто облегающее ихъ и давящее на нихъ. И въ самомъ дѣлѣ, если мы согласимся на первое, то спрашивается: какъ проявится это свойство въ частицѣ вещества, если она одна? и если очевидно, что въ ней не можетъ быть тяготѣнія, потому что ей не къ чему тяготѣть, то какъ можемъ мы думать, что то, чего не находится ни въ какой астицѣ, взятой отдѣльно, находится въ каждой изъ нихъ, когда онѣ собраны вмѣстѣ?

Второй принципъ механически дѣйствующей причинности основывается на одномъ изъ указанныхъ выше слѣдствій и можетъ быть выраженъ такъ:

II. Механическое причиненіе всегда происходитъ по способу прикосновенія. Это начало вытекаетъ изъ наружности всякаго механическаго причиненія—что, въ свою очередь, опирается на то, что основаніе въ этой причинности всегда лежитъ внѣ слѣдствія, или ему предшествуя во времени, или съ нимъ не совмѣщаясь въ пространствѣ. Такъ какъ прикосновеніе можетъ быть лишь между тѣмъ, что имѣетъ въ пространствѣ мѣсто, и притомъ занимаетъ его такъ, что имѣетъ границы начала и окончанія (черезъ которыя и происходитъ соприкосновеніе), то понятно становится, почему сферою механизма всегда считалась только область грубаго вещества: оно одно замѣщаетъ собою пространство и разграничиваетъ его своими частями.

Повсюду, гдѣ наука выходила изъ сферы вещества и пыталась сохранить механически-причинный способъ объясненія (напримѣръ, въ психологіи, этикѣ, политикѣ, исторіи), ея указанія по этому самому теряли ясность и опредѣленность. Мы можемъ замѣтить только, что разсматриваемый способъ объясненія въ этихъ сферахъ духовной и исторической жизни долженъ выразиться тѣмъ, что причины каждаго изучаемаго факта должны быть относимы или къ фактамъ предшествующимъ въ той же духовной или исторической жизни, или окружающимъ вліяніямъ; въ послѣднемъ же анализѣ — только къ послѣднимъ. Ибо и каждый предшествующій фактъ въ свою очередь долженъ разложиться на часть, произведенную еще ранѣе окружающими условіями и т. д., до тѣхъ поръ, пока въ началѣ не окажется духъ человѣческій, какъ *tabula rasa*, какъ чистая способность воспринимать вліянія, и окружающая природа, какъ источникъ этихъ вліяній. Объ этихъ послѣднихъ слѣдуетъ

сказать, что они бываютъ трехъ родовъ: какъ понужденіе къ большей или меньшей степени труда, какъ способствованіе къ той или иной формѣ труда, и какъ впечатлѣніе. Два первые рода вліяній обусловливаютъ собою вѣшнюю и матеріальную сторону жизни, ея способъ; третій родъ — духовную, опредѣляя ея характеръ и содержаніе. Кромѣ отсутствія ясности и опредѣленности, въ этихъ объясненіяхъ слѣдуетъ отмѣтить еще одну сторону, и притомъ самую важную: они никогда не бываютъ объясненіями достаточными.

Изъ принципа прикосновенія вытекаютъ слѣдующія положенія:

1. Измѣненіе, возникающее по началамъ механической причинности, всегда есть перемѣщеніе. Это потому, что занимающее мѣсто въ пространствѣ и имѣющее границы въ немъ можетъ дѣйствовать на что-либо вѣшнее для себя не иначе, какъ перемѣщаясь; при немъ границы его стремятся занять мѣсто, занятое границами вѣшняго. И такъ какъ совмѣстность ихъ невозможна, иначе одно изъ нихъ стало бы внутреннимъ для другаго, что противорѣчитъ постоянной раздѣльности въ механизмѣ измѣняющаго отъ измѣняемаго, то и происходитъ перемѣщеніе вѣшняго. Отсюда вытекаетъ опредѣленіе сферы механизма.

2. Сфера механизма есть движеніе, его количество и направленіе. Это потому, что перемѣна мѣста и есть движеніе, которое можетъ быть разсматриваемо лишь въ двухъ отношеніяхъ: количества и направленія. Масса движущагося и скорость движенія, что также разсматривается въ механикѣ, суть только элементы, на которые разлагается при дальнѣйшемъ анализѣ количество движенія.

3. Измѣненіе въ механическомъ процессѣ всегда возникаетъ въ направленіи обратномъ положенію, занимаемому причиною, которая его вызвала. Это положеніе представляется намъ самымъ важнымъ изъ всѣхъ, которыя вытекаютъ изъ разсматриваемаго начала. Оно раскрываетъ истинное отношеніе, которое существуетъ между каждыми двумя смежными звеньями механическаго процесса, опредѣляя его какъ отталкиваніе. Такимъ образомъ, механическія причины всегда суть причины вымѣщенія, выхода изъ прежняго положенія (и на сколько имъ обусловлено—состоянія); ихъ дѣйствіе не простирается далѣе настоящаго, которое онѣ разрушаютъ. Реальность и ограниченность присущи имъ въ высшей степени: ихъ каждое дѣйствіе становится фактомъ, но этотъ фактъ можетъ имѣть мѣсто только здѣсь и теперь. Никакое вліяніе на отдаленное или будущее, согласованіе того и другаго съ настоящимъ—не доступно для нихъ. Единственное, что предопредѣляютъ собою онѣ,—это то, что наблюдаемая реальность (предметъ ихъ воздѣйствія) не сохранится болѣе, и что имѣющее возникнуть на ея мѣстѣ—будетъ уже иное, съ нею не сходное. Далѣе этихъ отрицательныхъ представленій, которыя оставляютъ мѣсто для безграничнаго множества положитель-

ныхъ, мы не можемъ пойти, наблюдая механическія причины. Быть можетъ, имъ же—механическимъ причинамъ—будетъ принадлежать и опредѣленіе положительнаго образа того, что замѣститъ разрушаемое настоящее; но эти причины будутъ уже вѣдъ всякой зависимости отъ теперь и здѣсь дѣйствующихъ, явятся по отношенію къ нимъ въ высшей степени побочными и случайными.

III. Въ механической причинности слѣдствіе или не варьируетъ, или, варьируя, разсѣвается по мѣрѣ удаленія отъ причины, его вызвавшей. Если начало отталкиванія опредѣляетъ внутреннюю связь между отдѣльными звеньями всякаго механическаго процесса,—то начало, къ которому мы переходимъ теперь, опредѣляетъ форму этого процесса въ его цѣломъ. Основывается оно на необходимости тождества между содержимымъ причины и содержимымъ слѣдствія. Мы не будемъ здѣсь приводить полнаго доказательства, почему это тождество никакимъ образомъ не можетъ быть нарушено, и ограничимся лишь замѣчаніемъ, что всякое подобное нарушеніе было бы или абсолютнымъ исчезновеніемъ нѣкоторой реальности, или возникновеніемъ реальности же изъ ничего. Причина и ея слѣдствіе есть одно, но различно размѣщенное и въ послѣдующія времена съ инымъ соотносящееся, нежели съ чѣмъ соотносилось прежде, — откуда и возникаетъ кажущееся несходство между ними. Хорошимъ поясненіемъ этой истины можетъ служить простѣйшій видъ механизма—движеніе: оно ни во что не преобразуется, кромѣ движенія же, и если иногда переходитъ въ явленія, повидимому, не имѣющія ничего общаго съ перемѣщеніемъ (теплота, свѣтъ и проч.), то болѣе глубокое изученіе этихъ явленій обнаружило во всѣхъ нихъ присутствіе движенія же, но только происходящаго въ иной средѣ (напримѣръ, въ эфирѣ) и по иному способу.

Если этотъ общій законъ мы примѣнимъ къ двумъ видамъ механической причинности—существованіямъ и преемствамъ, то и получимъ начало, только-что формулированное выше. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ слѣдствіе одновременно со своимъ основаніемъ, оно не варьируетъ, ему чужды процессы—потому что оно не можетъ ни отойти отъ своего основанія во времени, ни воспринять въ себя какого-либо различія сравнительно съ нимъ: послѣднее возникало бы изъ ничего. Характернымъ примѣромъ такой одновременной и неподвижной зависимости можетъ служить рыночная цѣна продукта, которая остается тою же, не варьируетъ, пока не варьируетъ соотношение между спросомъ и предложеніемъ; или неподвижное стояніе приподнятаго груза на одной чашкѣ вѣсовъ, пока на другую ея чашку давить наша рука. Чтобы точнѣе опредѣлить важный здѣсь терминъ «не варьируетъ»—замѣтимъ, что онъ обозначаетъ отсутствіе количественнаго измѣненія въ слѣдствіи сравнительно съ причиною, что, отрицая въ немъ всякое умаленіе, онъ отрицаетъ и всякое возростаніе въ немъ, и притомъ не только дѣйствительное, но хотя бы и кажущееся.

Такъ происходитъ въ сосуществованіяхъ. Въ преимствѣхъ слѣдуетъ различать два случая: одинъ, когда къ созданному слѣдствію не привходитъ на всемъ протяженіи безконечнаго времени никакого воздѣйствія новыхъ причинъ, и другой, когда оно подвергается такому воздѣйствующему вліянію. Первый случай возможенъ въ отвлеченіи, и, быть можетъ, имѣетъ мѣсто въ обращеніи небесныхъ свѣтилъ. Его примѣръ—движеніе тѣла, получившаго ударъ, которое безъ привходящихъ воздѣйствій становится безконечнымъ и равномернымъ. Собственно причина безконечности здѣсь лежитъ въ томъ, что первое слѣдствіе (перемѣщеніе тѣла на разстояніе, равное тому, которое было пройдено ударившимъ тѣломъ) безъ привходящей причины не можетъ стать ничѣмъ инымъ, какъ только своимъ повтореніемъ, то-есть, по закону тождества между причиною и слѣдствіемъ, движеніемъ такимъ же по величинѣ и скорости и такъ же направленнымъ,—это послѣднее можетъ перейти опять только въ движеніе, и т. д. до безконечности. Этотъ первый случай являетъ тоже отношеніе слѣдствія къ причинѣ, какое мы наблюдаемъ въ сосуществованіяхъ: слѣдствіе и здѣсь не варьируетъ, оно вытягивается въ процессъ, всѣ звенья котораго тождественны между собою, и рядъ ихъ безконеченъ. Омѣтимъ, что и здѣсь, на ряду съ отсутствіемъ умаленія, отсутствуетъ и какое-либо возростаніе.

Второй случай обнимаетъ собою все въ природѣ—ему подчинена она если не въ цѣломъ своемъ, то въ томъ, что заключено въ ея нѣдрахъ; что не она, но въ ней. Разсмотримъ и здѣсь соотношеніе между причиною и слѣдствіемъ.

Первое слѣдствіе повторяетъ собою причину,—но пусть уже во второй моментъ своего существованія оно встрѣчаетъ привходящее воздѣйствіе новой причины, отъ первой независимой. Оно тотчасъ раздѣляется: противодѣйствуя (по закону механики) второй причинѣ, оно часть себя отдаетъ на это противодѣйствіе. Пусть далѣе оставшаяся часть подвергается новому воздѣйствію третьей привходящей причины: на противодѣйствіе ей слѣдствіе опять отдаетъ часть себя, и слѣдовательно продолжаетъ существовать уже какъ часть части. Законъ тождества между причиною и слѣдствіемъ при этомъ не нарушается: первая сохраняется, но только раздѣленною, и одна часть ея существуетъ въ одномъ мѣстѣ пространства, другая — въ другомъ. Наконецъ, когда въ безконечномъ времени число воспринимаемыхъ первою причиною (собственно уже ея частями) воздѣйствій становится безграничнымъ, безграничнымъ становится и число частицъ, на которыя она раздѣляется: въ текущемъ времени она расцѣпляется; нисколько не умаляясь въ дѣйствительности, она становится не наблюдаемою болѣе, не изслѣдимою. Это и производитъ то, что мы обозначаемъ словомъ «исчезновеніе»: оно относится къ полю наблюденія, къ сферѣ созерцаемаго.

Такъ какъ этотъ послѣдній случай имѣетъ очень обширное мѣсто

въ природѣ и характеренъ для соотношенія между причиною и слѣдствіемъ, то и самое начало, его включающее, мы назовемъ началомъ разсѣянія. Оно опредѣляетъ, что механическая причина, никогда не возрастая въ послѣдующихъ модификаціяхъ, обыкновенно умалается въ нихъ черезъ разсѣяніе. Всякое возростаніе, усложненіе въ строеніи и расширеніе въ содержаніи безусловно чуждо механической причинности, никакимъ образомъ необъяснимо изъ нея.

Никогда не возрастая, причины могутъ, однако, если что-либо направляетъ ихъ дѣйствіе къ одному центру, произвести возростаніе въ томъ, что ими создается. Какъ на примѣръ подобнаго явленія, можно указать на возростаніе сталактитовъ и сталагмитовъ въ пещерахъ, верхніе покровы которыхъ содержатъ воду и известь. Можно замѣтить о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, что 1) возростаніе въ одномъ мѣстѣ здѣсь совершается на счетъ разсѣянія во всѣхъ окружающихъ мѣстахъ (вода просачивающаяся и уносимая известь въ сталактитовыхъ пещерахъ) и 2) возростающее пріобрѣтаетъ въ послѣдующія времена различія количественныя, но никогда—качественныя; оно однородно—ему чуждо строеніе, если этого строенія уже не было въ расположеніи причинъ.

IV. Механически причинный процессъ есть всегда неопредѣленный: начало ограниченія, принудительныхъ формъ или непременныхъ предѣловъ—чуждо ему.

Это свойство механическихъ процессовъ обуславливается направлениемъ въ нихъ слѣдствія, которое обратно положенію причины. Связанныя отношеніемъ отталкиванія, звенья каждаго такого процесса имѣютъ опредѣленность въ прошедшемъ, которое уже было, которое есть фактъ или явленіе, эти — опредѣленные, а не какіе-нибудь вообще; но они не имѣютъ опредѣленности въ будущемъ—ея нѣтъ для того, что имѣетъ наступить. Каждое послѣдующее звено здѣсь опредѣлено (предыдущими звеньями) только для перваго момента своего существованія, но уже не опредѣлено для втораго—когда воздѣйствіе ни съ чѣмъ предыдущимъ не согласованной новой причины можетъ измѣнить его внѣ всякаго соотношенія съ тѣмъ, чѣмъ оно было ранѣе. По закону тождества между содержимымъ причины и содержимымъ слѣдствія и согласно принципу, что въ механизмѣ измѣняемое бездѣятельно по отношенію къ измѣненію, которое въ немъ возникаетъ,—каждое явленіе въ механически причинномъ процессѣ, которое является послѣднимъ, или должно вѣчно оставаться тождественнымъ себѣ, или измѣняться, но лишь отъ привходящихъ причинъ. И такъ какъ дѣйствіе этихъ послѣднихъ не предопредѣлено въ рядѣ причинъ, предшествующихъ разсматриваемому послѣднему явленію; ни этотъ рядъ никакимъ образомъ не содержится въ нихъ; ни онъ всѣ — другъ въ другъ, такъ какъ независимы одна отъ другой, — то ясно, что во-

обще нигдѣ не предопредѣлено, чѣмъ станетъ въ послѣдующія времена данное наблюдаемое явленіе.

Это по отношенію ко всякому механическому процессу, къ каждому отдѣльному явленію въ немъ и всякой отдѣльной вещи, которая имъ создается. Но въ механизмѣ есть еще и иная неопредѣленность—именно въ соотношеніи между создающимъ и создаваемымъ. Какой бы механической процессъ мы ни наблюдали, сравнивая его повторенія въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, мы найдемъ, что создаваемое имъ не является необходимо одно—будетъ ли то вещь, состояніе, заканчивающее явленіе; напротивъ, смотря по тому, съ чѣмъ процессъ соотносится, что его окружаетъ и съ нимъ встрѣчается, онъ производитъ различное, самъ оставаясь однако тѣмъ же. Такъ движеніе производитъ и движеніе же, и теплоту, и звукъ; оно и ускоряетъ движеніе другого тѣла, и замедляетъ или останавливаетъ его. И наоборотъ: вещь или явленіе, которое создается даннымъ наблюдаемымъ процессомъ, создается не необходимо имъ однимъ, но и многими другими процессами, съ нимъ не сходными. Такъ теплота, вызванная ударомъ движущагося тѣла, въ иныхъ мѣстахъ вызывается и треніемъ, и гніеніемъ, и лучемъ солнца; или жидкость—и разрѣженіемъ твердаго, и сгущеніемъ парообразнаго. Такимъ образомъ въ механической причинности нѣтъ опредѣленнаго соотношенія между вещами (въ обширномъ смыслѣ) и процессами; въ ней каждое существуетъ для многаго и черезъ многое, но не для одного и не черезъ одно.

Съ началомъ неопредѣленности аналогиченъ послѣдній принципъ, который мы желаемъ указать въ механически дѣйствующей причинности. Этотъ принципъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ.

V. Ничто въ механически-причинномъ процессѣ не есть преимущественно передъ другимъ часть, и ничто же не есть — преимущественно цѣлое. Понятіе цѣлаго—что уже замкнуто въ себѣ, закончено; что, отсутствуя, дѣлало бы неполнымъ существованіе остальнаго,—чуждо всякому механизму и всему, что возникаетъ черезъ него. Нѣтъ въ немъ достаточно великаго, и нѣтъ на столько малаго—о чемъ мы не могли бы сказать, что оно цѣлое. Въ немъ все продолжается, все частично и мелко, ничто и никогда не получаетъ завершенія и окончанія. И это также происходитъ отъ направленія слѣдствія, которое обратно положенію причины: въ каждомъ слѣдствіи, которое мы наблюдаемъ какъ послѣднее въ механическомъ процессѣ, онъ собственно уже законченъ,—и если въ дѣйствительности онъ безконечно продолжается, то и самое продолженіе, и всѣ качественныя различія наступающихъ варіацій находятся внѣ всякаго отношенія къ ряду причинъ, лежащихъ въ этомъ именно процессѣ, послѣднее звено котораго мы разсматриваемъ. Такимъ образомъ отсутствіе цѣльности въ механическомъ

процессъ (и въ томъ, что создается имъ) прямо вытекаетъ изъ отсутствія цѣльности въ немъ; его вѣчная частичность — изъ всегдашней неопредѣленности.

Изъ этого начала вытекають слѣдующія положенія:

1) На какой бы стадіи совершенія мы ни прервали механическій процессъ,—то, чѣмъ онъ заканчивается въ этой стадіи (будетъ ли то вещь или явленіе), не имѣетъ планомѣрнаго строенія.

2) Сколько бы мы ни взяли звеньевъ въ механическомъ процессѣ, ихъ преемство не сложится въ послѣдовательное развитіе.

Здѣсь подъ планомѣрностью строенія мы разумѣемъ такъ согласованное расположеніе частей, что наблюденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ уже открываетъ существованіе остальныхъ, какъ дополненія и завершенія ясно неполнаго и не завершеннаго. Эта согласованность, являясь строеніемъ въ пространствѣ, во времени является послѣдовательностью: какъ тамъ одновременно существующія части, лишь дополняя другъ друга, возрастають до цѣлости,—такъ здѣсь преемственныя явленія соотносятся такимъ образомъ другъ съ другомъ, что каждое, завершая что-либо въ предыдущемъ, все еще имѣетъ въ себѣ нѣкоторый недостатокъ, который пополнится въ послѣдующемъ—пока послѣднее явленіе, въ которомъ завершится процессъ, не представитъ собою связанное и замкнутое соединеніе всѣхъ чертъ, которыя порознь и не доконченныя наблюдались уже въ предыдущихъ звеньяхъ процесса, умаляясь съ каждымъ приближеніемъ къ его началу.

3) Механически причинный процессъ можетъ быть всегда прерванъ и всячески измѣненъ, но никогда—разрушенъ. Онъ можетъ быть прерванъ—если напряженіе послѣдняго измѣненія, которое возникаетъ въ немъ, встрѣтитъ сопротивленіе равнаго напряженія, исходящее или изъ какого-нибудь другаго независимаго процесса, или изъ сознательной воли, напримѣръ, человѣка. Онъ можетъ быть всячески измѣненъ—смотря по тому, что будетъ придано къ его послѣднему звену. Но и прекращаясь, онъ не разрушается—потому что все, что въ немъ уже совершилось, останется тѣмъ же; а чѣмъ стать ему въ будущемъ (къ этому одному и относится прекращеніе или измѣненіе) — это не было предопредѣлено въ немъ. Понятіе разрушимости не отдѣлимо отъ представленія цѣлости, потому что только къ этому послѣднему и относится. И то, что есть всегда только часть, но и вмѣстѣ—всегда цѣлое,—ничего въ себѣ не утрачиваетъ, что бы мы отъ него ни отняли; равно какъ ничего не пріобрѣтаетъ, что бы мы къ нему ни присоединили.

4) Въ механически причинномъ процессѣ и въ томъ, что создается имъ, все равнозначуще: понятія главнаго и второстепеннаго, существеннаго и незначущаго—чужды ему. Это опять потому, что въ немъ нѣтъ цѣлости—смотря по отношенію къ которой мы и различаемъ во всемъ главное отъ второстепеннаго: что необхо-

димъе для достиженія цѣлости, что болѣе приближаетъ къ ней — существеннѣе того, безъ чего, хотя бы и съ трудомъ, но можетъ быть достигнута эта цѣлость, или что не такъ приближаетъ къ ней, къ завершенію и окончанію.

Вотъ если и не всё, то главныя черты механической причинности—тѣ, по которымъ мы распознаемъ безжизненныя явленія и процессы, мертвую природу. Почти каждая изъ этихъ чертъ, если глубже вдуматься въ нее, представится намъ необыкновенно характерною, чрезвычайно значущею. Отсутствие какого-либо внутренняго принципа для измѣненія, бездѣтельность къ себѣ и безразличіе къ внѣшнему, безсвязность—вотъ эти черты бездушной и холодной природы, которая вся—внѣшность, въ которой—одно стремленіе—къ вѣчному покою, къ сохраненію тожества съ прошедшимъ. Но изъ этихъ чертъ самую существенною намъ представляется одна, которая, повидимому, не столь выдѣляется, менѣе бросается въ глаза: это — отсутствіе предѣла, грани, принудительной формы. Можетъ быть найдено нѣчто третье, въ чемъ примиряются причинность и цѣлесообразность, гдѣ онѣ соединяются; но раздѣленіе между ними начинается именно съ понятія предѣла. По одну сторону его остается царство безпредѣльнаго, неограниченнаго, могущаго всёмъ стать, но ни чѣмъ по необходимости, — это и есть царство механической причинности; по другую сторону лежитъ міръ вещей и явленій, подчиненныхъ началу предѣла — это міръ живыхъ формъ, вѣчнаго стремленія осуществить то или иное,—и то, что живитъ эти формы, что устремляетъ эти процессы, есть именно предѣлъ, или какъ осуществленный уже—и тогда онъ только сохраняетъ, или какъ ищущій осуществленія—и тогда онъ движетъ и направляетъ. Понятіе предѣла, грани, есть, быть можетъ, самое великое понятіе, которое наука и философія могутъ приложить къ объясненію природы—потому что онъ самъ, этотъ предѣлъ, есть то, что дѣлаетъ ее тѣмъ, что она есть,—есть ея сущность. Снимите это понятіе съ природы—и она обратится въ хаосъ; вложите въ хаосъ это понятіе — и онъ превратится въ космосъ, какъ въ гармонію, какъ въ красоту, какъ въ разумность.

Если же мы захотимъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое это понятіе предѣла,—мы увидимъ, что оно есть самый существенный элементъ втораго начала, которое послѣ причинности господствуетъ надъ всёмъ движущимся и варирующимъ — начала цѣлесообразности. Къ разсмотрѣнію этой послѣдней мы и обратимся теперь.

III.

Несомнѣнные образцы цѣлесообразности даны намъ въ цѣлесообразной дѣятельности самого человѣка. Однако, вывода свои положенія о ней, мы не будемъ только дѣлать обобщенія наблюдаемаго;

путь такого изслѣдованія всего болѣе чужды намъ. Напротивъ, мы будемъ выводить эти положенія изъ самаго понятія о томъ, что такое цѣль и средство, замысль и осуществленіе — что одинаково присуще цѣлесообразности, гдѣ бы и когда она ни происходила. Это не правила антропоморфической цѣлесообразности—это правила всякой цѣлесообразности, находящія свое осуществленіе также и въ человѣческой.

Прежде всего, опредѣлимъ составъ цѣлесообразнаго процесса. Въ отличіе отъ причинности, которая всегда двучленна (причина—слѣдствіе), цѣлесообразность имѣетъ строеніе болѣе сложное; ее образуютъ: цѣль, средство (элементъ, могущій имѣть въ свою очередь весьма сложное строеніе), идея цѣли и разумъ, какъ творческій источникъ неопредѣленнаго числа цѣлесообразныхъ процессовъ. Два послѣдніе элемента цѣлесообразности суть чисто идеальные, и они не могутъ быть открыты ни для кого, кромѣ самаго субъекта, изъ котораго исходитъ цѣлесообразный процессъ; напротивъ, два первые элемента могутъ быть и матеріальны. Собственно изъ нихъ и состоитъ цѣлесообразный процессъ, на сколько онъ открывается для внѣшняго наблюденія: послѣднее, сколько бы ни анализировало этотъ процессъ, никогда не найдетъ въ немъ ничего, кромѣ отдѣльныхъ звеньевъ и послѣдняго между ними, на которомъ процессъ закончился. И, только всматриваясь въ способъ соединенія этихъ звеньевъ, и въ ихъ черты, когда онѣ взяты въ различные моменты процесса, наконецъ изучая ихъ всѣ въ соотношеніи съ послѣднимъ звеномъ, внѣшнее наблюденіе можетъ открыть, что процессъ изслѣдуемый не есть причинный, но цѣлесообразный.

Дадимъ опредѣленіе трехъ остальныхъ членовъ цѣлесообразнаго процесса: идея цѣли есть образъ или понятіе чего-либо, что можетъ быть осуществимо и что творческимъ источникомъ ея—разумомъ, признается достойнымъ осуществленія (напримѣръ, образъ статуи или понятіе о формѣ государственнаго устройства). Такимъ образомъ, по времени идея цѣли предшествуетъ всему цѣлесообразному процессу, и собственно она и есть движущее и направляющее начало въ немъ. И только потому, что она не одной природы съ процессомъ (идеальное—вещественное) и что она тоже-степенна по соотношенію частей, по строенію своему, съ цѣлью, и эта послѣдняя — одной природы съ процессомъ и соединена съ звеньями его непрерывающимся соприкосновеніемъ,—мы говоримъ, что основаніе цѣлесообразнаго процесса лежитъ въ цѣли. Далѣе, эта послѣдняя есть осуществленная идея цѣли—то-есть образъ или понятіе, получившее объективное положеніе по отношенію къ творческому источнику черезъ соединеніе съ тѣмъ, что способно его выразить (статуя, государство). Наконецъ, средства—это совокупность всѣхъ звеньевъ цѣлесообразнаго процесса, подготовляющихъ послѣднее и заканчивающее звено—цѣль.

Замѣтимъ, что въ цѣли осуществленной значущее есть форма, строеніе—какъ соотношеніе между частями, какъ ихъ расположеніе и связь. Потому что въ этомъ одномъ она тождественна съ идеєю цѣли, которая черезъ цѣлесообразный процессъ и ищетъ своего выраженія. Поэтому и связь между цѣлью и промежуточными звеньями цѣлесообразнаго процесса есть также связь по строенію, соотношенію частей.

Всякому цѣлесообразному процессу присущи слѣдующія черты:

1) Согласованныя наростанія. Первая фаза цѣлесообразнаго процесса (или то, въ чемъ онъ возникаетъ) есть всегда или однородное простое, или сложное, но внѣ соотношенія съ наступающимъ сложениемъ; поэтому всякій разъ когда это чуждое строеніе имѣетъ мѣсто въ первоначальномъ матеріалѣ, нѣкоторая доля цѣлесообразной энергіи затрачивается на то, чтобы преодолѣть его, изгладить. Послѣдняя фаза процесса (цѣль) будетъ имѣть строеніе тождественное съ тѣмъ, которое представляетъ собою идея цѣли. Всѣ промежуточныя фазы, какъ имѣющія осуществить это строеніе, будутъ представлять собою: 1) нѣкоторое строеніе же—иначе онѣ не соотносились бы съ цѣлью, не были бы средствомъ для нея и слѣдовательно не входили бы фазами въ цѣлесообразный процессъ; 2) въ строеніи этомъ будетъ нѣкоторый недостатокъ сравнительно съ строеніемъ цѣли, потому что безъ такого недостатка данная фаза была бы уже цѣлью, и процессъ не продолжался бы; 3) въ немъ (строеніи) не будетъ ничего внѣ соотношенія съ строеніемъ цѣли: каждая его черта или сохранившись войдетъ въ сложеніе цѣли, или преобразовавшись создастъ необходимое въ этой же цѣли. Итакъ, по строенію своему цѣль всегда есть самое сложное сравнительно съ остальными фазами процесса. Чтò касается до послѣднихъ, то въ нихъ недостающее въ сравненіи съ строеніемъ цѣли всегда будетъ убывать по мѣрѣ приближенія къ этой послѣдней, т. е. сложность будетъ нарастающею во времени.

Эти наростанія будутъ всѣ согласованными, и цѣль есть то, чтò согласуетъ ихъ. Потому что, сравнительно съ отдѣльными фазами процесса, цѣль не только болѣе сложна по строенію, но она, кромѣ того, есть цѣлое, въ которомъ всѣ черты этого сложения сомкнуты. И естественно, что эти черты не только не появляются въ предыдущихъ фазахъ разомъ, но что и каждая изъ нихъ въ отдѣльности есть въ началѣ черта еще недостающая; такъ что процессъ усложненія нужно представлять не только какъ послѣдовательное появленіе чертъ сложения, но и какъ возростаніе каждой изъ нихъ въ отдѣльности до той степени, когда бы она могла быть соединена съ остальными. Это соотношеніе разрозненнаго и недостающаго, чтò въ послѣдующія времена стремится возрости до цѣльности и сомкнутости, мы и называемъ согласованностью: потому что въ этомъ процессѣ каждое появившееся или согласуется съ ранѣе возник-

шимъ, дополняя его, или согласуетъ съ собою только еще возникающее, дополняясь имъ. Это и придаетъ какъ бы мысль всему процессу; и она дѣйствительно есть въ немъ, приводя въ соотвѣтствіе всѣ его звенья и каждую черту во всякомъ изъ нихъ: существуя разновременно и не въ одномъ мѣстѣ, онѣ однако какъ бы чувствуютъ одна другую и гармонируютъ другъ другу черезъ пространство и время, безъ чего-либо промежуточнаго, безъ всякаго соприкосновенія. Но это потому, что въ цѣли есть это соприкосновеніе (между ними), что она одна, и въ ней онѣ одновременны.

2. Опредѣленность есть вторая особенность всякаго цѣлесообразнаго процесса. Она основывается на томъ, что черты каждой фазы въ немъ находятся въ соотношеніи съ чертами послѣдней, которая одна и есть опредѣленная. И, такъ какъ это соотношеніе выражается въ недостатокѣ (сравнительно съ строеніемъ цѣли), то слѣдовательно этотъ недостатокъ есть недостатокъ *до* опредѣленнаго. Цѣлесообразный процессъ, который движется между данною фазою и этою наблюдаемою, есть такимъ образомъ переходъ отъ опредѣленнаго къ опредѣленному по линіи ихъ соединенія, то-есть опредѣленный же. И сверхъ того, такъ какъ цѣль тождественна по строенію съ идеею цѣли, и эта послѣдняя предшествуетъ по времени всему цѣлесообразному процессу, то онъ является въ одно и то же время и предустановленнымъ.

3. Необходимость и принудительность, которая замѣчается въ смѣнѣ фазъ цѣлесообразнаго процесса, обуславливается особеннымъ соотношеніемъ между цѣлью и средствами: вторыя заимствуютъ все свое значеніе отъ первой, и внѣ соотношенія съ нею — не имѣютъ силы къ существованію. И такъ какъ то, что обуславливаетъ это существованіе ихъ, лежитъ еще въ будущемъ, что даетъ имъ силу быть — лишь станетъ и именно черезъ нихъ, то всею энергіею бытія своего онѣ обращены къ этому будущему. Существовая лишь на столько, на сколько (другое) станетъ, онѣ всѣ обращены къ нему; прошедшее для нихъ незначуще, есть нѣкоторое какъ бы страданіе, есть то безпокойное въ каждомъ звенѣ цѣлесообразнаго процесса, которое утихаетъ лишь съ приближеніемъ къ цѣли, къ источнику ихъ жизни, къ оправданію ихъ бытія, которое ранѣе было не оправданнымъ. Поэтому въ каждомъ отдѣльномъ звенѣ можно наблюдать, что энергія жизни его вся примыкаетъ къ послѣдующему и отходить отъ предыдущаго, что и становится почти механическою причиною возникновенія за нимъ другаго звена,—и такъ до конца, до цѣли, все съ возрастающею полнотою формъ, все съ увеличивающеюся твердостью бытія.

Конечно, нельзя отвергать, что въ нѣкоторомъ особенномъ смыслѣ цѣль въ полномъ своемъ составѣ присутствуетъ уже въ каждомъ звенѣ цѣлесообразнаго процесса; но только въ существованіи ея здѣсь есть недостатокъ: она становится черезъ звенья,

она въ нихъ предшествуетъ—но лишь какъ тѣнь, по которой они взбираются до отбѣняющаго. И однако звенья имѣютъ полноту существованія, то есть избытокъ его,—въ сравненіи съ существованіемъ цѣли, которая есть ихъ причина. Это можно объяснить только тѣмъ, что въ каждомъ цѣлесообразномъ процессѣ происходитъ какъ бы преобразование и взаимное замѣщеніе двухъ явленій, которыя относятся къ совершенно различнымъ порядкамъ бытія. Цѣль, по видимому, и при неполнотѣ своего существованія потому даетъ силу для полного существованія средствамъ, что она неизмѣримо превосходитъ ихъ въ своемъ достоинствѣ, въ полнотѣ формъ и красотѣ жизни; такъ что избытокъ въ совершенствѣ здѣсь какъ бы возмѣщаетъ недостатокъ въ реальности—выполняетъ то, что въ обычномъ порядкѣ природы могло бы принадлежать только послѣдней. И по мѣрѣ того, какъ звенья приближаются къ цѣли и существованіе послѣдней возрастаетъ до полноты, уменьшается до исчезновенія различіе въ достоинствѣ между ею и ими.

Во всякомъ случаѣ, изъ указаннаго отношенія между цѣлью и средствами вытекаетъ разрушаемость всякаго цѣлесообразнаго процесса. Каждый разъ, когда цѣль почему-либо становится неосуществима, когда или она закрывается или изъ процесса выпадаетъ необходимое звено—весь рядъ звеньевъ, который уже былъ осуществленъ, рассыпается: потому что нѣтъ основанія болѣе для ихъ существованія; нѣтъ причины, которая ранѣе имъ давала силу бытія. Прервать ихъ соотношеніе съ цѣлью—значитъ погасить въ нихъ силу жизни. И если они удерживаютъ послѣ этого перерыва на нѣкоторое время прежнюю форму и иногда прежнее расположеніе, то лишь по инерціи, вслѣдствіе отсутствія привходящей причины. Но разъ появится эта причина—они пассивно подчинятся ея вліянію, бездѣятельныя ко всякому новому измѣненію, безразличныя къ тому, чѣмъ стать.

Вотъ особенности цѣлесообразнаго процесса—и онѣ всѣ противоположны тѣмъ, которыя мы отмѣтили ранѣе для причинности. Сравнивая ихъ между собою, мы найдемъ, что нѣкоторымъ особенностямъ причинности нѣтъ соответствующихъ въ цѣлесообразности. И онѣ дѣйствительно не указаны нами, потому что являются уже не общими для всѣхъ цѣлесообразныхъ процессовъ, но различными въ каждомъ изъ двухъ видовъ, на которые эти процессы распадутся.

IV.

Господствующій членъ цѣлесообразнаго процесса, который какъ идея предшествуетъ ему во времени (идея цѣли), можетъ или *заключаться внутри его*, или имѣть по отношенію къ нему *наружное положеніе*. Въ первомъ случаѣ цѣлесообразность будетъ внутреннею, во второмъ внѣшнею. Какъ на примѣрѣ этой послѣдней

можно указать на всю дѣятельность человѣка, которая совершается по дѣлямъ, имъ произвольно выбраннымъ; какъ на примѣръ первой—можно указать на дѣятельность его, которая бессознательна и произвольна. (Это дѣятельность всегда не причинная). Такъ, построение зданія или установление формы государственной жизни въ средѣ даннаго народа есть внѣшняя цѣлесообразность—потому что замыселъ зданія и идея политической формы имѣютъ внѣшнее положеніе по отношенію къ процессамъ построения зданія и преобразования государства, равно и къ матеріалу, который варьируетъ въ этихъ процессахъ (дерево, люди), и къ конечной формѣ, которая ему придается (зданіе, государство). Напротивъ, зарождение и постепенный ростъ самаго замысла или идеи есть процессъ внутренней цѣлесообразности, потому что причина измѣненія перваго и второй лежитъ внутри ихъ самихъ: въ правильности возникшаго; въ его способности (при осуществленіи) выразить извѣстное чувство или мысль; и въ томъ, что это выраженіе станетъ полнымъ и совершеннымъ, если путемъ внутренняго развитія возникшей замыселъ или идея, которыя вначалѣ всегда просты, превратятся въ сложное представленіе или въ сложную систему понятій.

Различіе между этими двумя видами цѣлесообразнаго процесса заключается въ способѣ возникновенія каждаго послѣдующаго звена и въ степени участія при этомъ причинности.

Во внѣшней цѣлесообразности идея цѣли, отдѣленная отъ среды, въ которой она осуществляется, не можетъ привести эту послѣднюю въ соотвѣтствіе съ собою иначе, какъ черезъ причинность. Поэтому каждое послѣдующее звено здѣсь возникаетъ по строго механическимъ основаніямъ, и эти послѣднія имѣютъ значеніе производящее, созидающее. Такъ, въ построении зданія каждое поднятіе груза (камня, доски) обуславливается механическимъ давленіемъ снизу, всякое перемѣщеніе матеріала—причиною имѣющею положеніе обратное съ направлениемъ перемѣщенія. Цѣлесообразность приводитъ здѣсь лишь какъ направленіе, въ которомъ соединяются и примыкаютъ одно къ другому послѣдовательныя звенья, то-есть, перенося это на причины,—въ планомѣрномъ расположеніи и послѣдовательномъ возникновеніи этихъ послѣднихъ, что уже не лежитъ въ нихъ самихъ. Это приводящее направленіе, которое согласуетъ звенья процесса, и есть единственный признакъ, по которому можетъ быть узнана въ немъ цѣлесообразность. Что касается до способа возникновенія каждаго звена, то онъ заключается всегда въ сложении, соединеніи ранѣе разъединеннаго; и это также потому, что здѣсь идея цѣли отдѣлена отъ среды своего осуществленія: эта среда имѣетъ вообще размѣщеніе и строеніе не соотвѣтствующее тому, которое она должна принять для осуществленія идеи цѣли, и поэтому каждая часть ея, хотя иногда предварительно и отдѣляется отъ другой, но передъ моментомъ, въ который становится уже

частью цѣли, всегда и только соединяется съ какою-нибудь третьей. Такимъ образомъ, по существу своему и по виду, внѣшняя цѣлесообразность всегда представляется какъ процессъ построения: идея цѣли строится черезъ матеріалъ ей чуждый, дѣйствуя на него посредствомъ механическихъ причинъ, которымъ она придаетъ соотвѣтствующую съ собою плановѣрность и нужную послѣдовательность.

Во внутренней цѣлесообразности идея цѣли, заключенная въ средѣ своего осуществленія, не дѣйствуетъ на нее черезъ посредство механическихъ причинъ. Послѣднихъ и нѣтъ здѣсь, потому что (какъ было показано выше) онѣ всегда имѣютъ наружное положеніе по отношенію къ тому, на что могутъ дѣйствовать. Но, распадаясь при своемъ развитіи, идея цѣли производитъ распаденіе и среды, ее заключающей. Это распаденіе есть постоянный и единственный способъ, посредствомъ котораго идея, имѣющая первоначально всегда простое и общее выраженіе, переходитъ къ полнотѣ своего содержанія—черезъ рядъ посредствующихъ идей, при чемъ конкретность послѣднихъ возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается ихъ число и разнообразіе, и слѣдовательно сложность первоначальной идеи, которая ихъ выдѣлила изъ себя ¹⁾ и продолжаетъ содержать въ себѣ. Такимъ образомъ, въ противоположность внѣшней цѣлесообразности, при внутренней каждое послѣдующее звено процесса возникаетъ черезъ распаденіе предыдущаго, и слѣдовательно единство звена при двойственности его строенія можетъ быть сохранено не далѣе второй фазы процесса: въ дальнѣйшемъ его ходѣ звено только усложняется распадаясь, но—онъ самъ, превращаясь въ систему процессовъ, изъ которыхъ каждый движется самостоятельно, лишь соглашаясь съ остальными, такъ какъ идея цѣли остается постоянно одна для всѣхъ. Идея (цѣли), осуществляясь, раскрывается въ систему низшихъ идей,—при чемъ изъ каждой предыдущей выдѣляется нѣсколько послѣдующихъ, ей въ точности равныхъ, но лишь отчетливѣе выражающихъ то, что въ ней было выражено обще и неопредѣленно. И по существу своему, и по наружному виду, который онъ представляетъ для внѣшняго наблюденія, это есть процессъ самораскрытія. Соответственно господствующему значенію, которое имѣетъ въ немъ для всякаго воз-

¹⁾ Этотъ процессъ всего удобнѣе было-бы назвать процессомъ самораскрытія идеи. Объяснить его ходъ и причину для того, кто никогда не испытывалъ въ себѣ формированія идей—ихъ первоначально смутное и бѣдное зарожденіе, затѣмъ постепенное уясненіе и ростъ вытѣсняющій изъ сознанія всѣ постороннія мысли и нерѣдко подавляющій самыя естественныя чувства, наконецъ превращеніе въ сложную систему переплетающихся понятій,—объяснить все это, повторяемъ, для человека чуждаго идейному развитію—очень трудно. Напротивъ для того, кто испыталъ въ себѣ формированіе идей, достаточно намекнуть на это, чтобы объяснить, въ чемъ дѣло,—что за процессъ раскрытія, о которомъ говоримъ мы.

никающаго измѣненія идея цѣли, значеніе механической причинности является здѣсь слабымъ. Но оно все-таки есть: ничего не производя, эта причинность многое здѣсь обусловливаетъ. Имѣя наружное положеніе по отношенію къ процессу, она иногда задерживаетъ возникновеніе послѣдующаго звена, или стѣсняетъ и искажаетъ ту форму, которую оно приняло-бы, если-бы не было стѣснено. При чемъ если это стѣсняющее вліяніе производится на звено, необходимое для достиженія цѣли, то по общему закону всякой цѣлесообразности—процессъ разрушается.

Вотъ виды генезиса, которые исчерпываютъ собою возможные соотношенія между его звеньями, и слѣдовательно обнимаютъ собою всю природу. Не слѣдуетъ думать, что въ живой дѣйствительности процессы совершаются въ той чистотѣ и отдѣльности, какъ мы ихъ представили здѣсь для отчетливости. Но смѣшиваясь, переплетаясь и перерывая другъ друга, они даже въ частяхъ своихъ представляютъ для насъ черты достаточно ясныя, чтобы мы могли распознать ихъ природу. Всякій разъ, когда мы имѣемъ хотя бы нѣсколько звеньевъ отъ процесса, ни о завершеніи, ни о началѣ котораго ничего не знаемъ, всматриваясь въ строеніе ихъ и взаимное отношеніе—мы можемъ съ точностью опредѣлить, какого характера причины, ихъ вызвавшія и движущія.

V.

Теперь мы можемъ возвратиться къ предмету, частное разсмотрѣніе котораго такъ надолго оставили для этихъ общихъ разсужденій. Органический міръ, слѣды котораго сохранены для насъ въ пластахъ земли и строеніе котораго, въ его цѣломъ, изучается въ систематикѣ, предоставляетъ для насъ достаточно много звеньевъ, чтобы мы могли опредѣлить природу того процесса, черезъ который произошелъ онъ. Начавшись съ *простѣйшихъ формъ*—съ органической клѣточки, чуждой какого-либо строенія, онъ въ теченіе тысячелѣтій *возросъ до сложности*, которую мы въ немъ наблюдаемъ теперь. Въ теченіе этого долгаго времени онъ *никогда не упрощался*, его *сложность была всегда нарастающею*. Какъ ни великъ и ни многообразенъ онъ, мы нигдѣ не наблюдаемъ въ его формахъ несоотвѣтствій—ничего, что взаимно препятствовало бы одно другому, или хотя находилось бы внѣ всякаго отношенія къ прочему. Его варіированіе во времени, всегда только поступательное, разлагается все на моменты подготовленія и завершенія: нѣтъ ничего, что, начавшись, не оканчивалось бы; что, уже полуразвившись, возвращалось бы къ прежнему состоянію. И въ то время, какъ онъ переходилъ отъ формъ къ формамъ,—единственное, что могло бы дѣйствовать на него, какъ внѣшняя причинность—окружающая природа—оставалось все тѣмъ же: т.-е. въ немъ мы имѣемъ

варирующее, кругомъ котораго было постоянное. Ни законы химическихъ соединеній, ни природа физическихъ явленій, ни самая борьба за существованіе не измѣнялись съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ земля. Измѣненія температуры земнаго шара и распределенія суши и воды было единственное, что произошло въ прошедшемъ, но второе не могло создать никакихъ новообразованій въ органическихъ формахъ, а первое не могло произвести въ нихъ усложненія. Но допустимъ, что въ причинахъ, которыя извнѣ и механически давили на органическій міръ, въ отдаленныя времена происходили перемѣщенія, которыя остались скрыты отъ насъ: они могли произвести только перемѣщенія-же, то-есть безпорядочную смѣну однѣхъ формъ другими. Но чтобы породить планомѣрно устроенное (органическій міръ допускаетъ классификацію себя) и послѣдовательно усложнявшееся—онѣ сами должны были быть планомѣрно же устроены и послѣдовательно усложняться. Но тогда процессъ возникновенія органическаго міра, при строго причинномъ образованіи всякой формы его, былъ бы въ цѣломъ произведеніемъ внѣшней цѣлесообразности: онъ былъ бы процессомъ построенія.

Такимъ образомъ нѣтъ способа мысли, который могъ бы удержать причинное объясненіе для устройства и происхожденія органическаго міра. Самое согласіе на эту причинность приводитъ къ признанію одного вида цѣлесообразности же. Но это не тотъ видъ ея, по которому происходятъ наблюдаемыя явленія органическаго развитія. Мы никогда не видимъ, чтобы возникающія формы слагались, строились черезъ внѣшнее *соединеніе* образующихъ чертъ. Напротивъ, *дѣленіе* прежде бывшаго есть постоянный способъ возникновенія здѣсь новаго. Вспомнимъ первую стадію эмбриологическаго процесса: въ замкнутой клѣткѣ съ однороднымъ содержаніемъ вдругъ появляется продольное дѣленіе, и она распадается на двѣ клѣтки. Во всей природѣ есть только одинъ способъ, которымъ можетъ произойти это простое явленіе: способъ дѣйствія внутренней цѣлесообразности. И что происходитъ въ этомъ первомъ явленіи, гдѣ зарождается органическая жизнь, то повторяется на всѣхъ ступеняхъ ея развитія, одинаково въ растительномъ и животномъ царствѣ: органическія новообразованія никогда не слагаются изъ частей своихъ—они всегда развиваются черезъ распаденіе простѣйшаго на болѣе сложное. То-есть внутренняя цѣлесообразность движетъ и направляетъ органическій міръ въ каждой его части и во всемъ его цѣломъ.

Теорія Чарльза Дарвина,

ОБЪЯСНЯЕМАЯ ИЗЪ ЛИЧНОСТИ ЕЯ АВТОРА.

Чарльзъ Дарвинъ принадлежитъ къ числу немногихъ въ исторіи умовъ, которые печать своего мышленія успѣли наложить на цѣлую эпоху. Онъ не только сообщилъ новое и неожиданное движеніе наукамъ, которымъ спеціально посвятилъ себя, но методомъ этихъ наукъ, имъ открытымъ, заразилъ и другія отдаленнѣйшія отрасли знанія, которыхъ никогда не касался прямо—исторію, этику, эстетику. При всемъ упорствѣ сопротивленія нѣкоторыхъ свѣтилъ науки, какъ Агассисъ, какъ Бэръ, какъ Кёлликеръ, его теоріи быстро восторжествовали во всемъ образованномъ мірѣ, какъ бы не замѣчая, не чувствуя этого противодѣйствія, обходя и заливая въ своихъ триумфахъ всякіе протесты. Чтó это былъ за человѣкъ, возбуждшій вокругъ себя такое огромное движеніе? Какъ росъ онъ, какъ развивался? Каковы были истинные размѣры его способностей, широта влеченій? Всѣ эти вопросы были небезынтересны для цивилизованнаго міра; можно было ожидать, что они будутъ ему предложены. И они, дѣйствительно, были ему предложены и онъ далъ на нихъ отвѣтъ въ краткихъ авто-біографическихъ замѣткахъ, недавно появившихся и на русскомъ языкѣ («Сочиненія Ч. Дарвина», т. III, вып. 3-й. Автобіографія. Изданіе д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1896 г.).

I.

Въ образованной и состоятельной англійской семьѣ Чарльзъ Дарвинъ росъ живымъ, подвижнымъ мальчикомъ, но безъ излишней впечатлительности. Уже на девятомъ году потерявъ мать, онъ, однако, «ничего не могъ припомнить о ней, исключая ея смертнаго ложа, чернаго бархатнаго платья и затѣйливо сдѣланнаго рабочаго

столика». Въ тотъ же годъ онъ поступилъ въ школу и память его приурочиваетъ къ этому же времени начало привязанности къ собиранію коллекцій, изъ которой вытекла позднѣе его любовь къ естественнымъ наукамъ: «Я пытался»,—пишетъ онъ, — «узнавать названія растений и собирать всякаго рода вещи: раковины, печати, марки, монеты, минералы. Страсть къ коллекціонированію, дѣлающая человѣка систематикомъ-натуралистомъ, знатокомъ рѣдкостей, или, наконецъ, скрягой, была во мнѣ очень сильна и явно была врожденною». Даже въ воспоминаніи, относящемся къ болѣе позднему возрасту, онъ пишетъ, что собиралъ минералы безъ всякой серьезной мысли: «все, о чемъ я заботился—это приобрести минералъ съ новымъ названіемъ, и едва ли пытался ихъ классифицировать» (стр. 6). Любопытенъ, хоть и миниатюрень, одинъ фактъ, одна простая шутка, сообщаемая имъ изъ этой поры своего дѣтства: однажды своему товарищу въ играхъ, Лейтону, извѣстному впоследствии ботанику, онъ объявилъ открытіе, что если поливать первоцвѣтъ и *Polyanthus* различно окрашенными жидкостями, то листья и стебель ихъ также будутъ различно окрашены. Это была выдумка: онъ не дѣлалъ ни опытовъ, ни получалъ результатовъ. Это было игривое движеніе души—однако замѣчательно предварившее, въ направленіи своего движенія, всѣ будущія его серьезныя работы: случай априорнаго предрасположенія, на который еслибъ онъ оглянулся въ себѣ, онъ болѣе повѣрилъ бы, что есть или можетъ быть аналогичная предрасположенность и въ цѣлой природѣ. Замѣчательно, однако, что, записавъ его въ старости, онъ какъ бы вовсе не замѣтилъ его, передавъ только какъ фактъ, какъ любопытный раритетъ въ коллекціи жизненныхъ случаевъ.

Пробывъ одинъ годъ въ элементарной школѣ, онъ поступилъ въ частное училище д-ра Ботлера и провелъ въ немъ семь лѣтъ: возрастъ нашего гимназическаго ученія. «Для моего умственнаго развитія, — рассказываетъ онъ, — едва ли что-либо могло быть хуже, нежели училище д-ра Ботлера, такъ какъ это была строго классическая школа, гдѣ больше ничему не обучали (т.-е. сверхъ древнихъ языковъ и математики), исключая развѣ еще скудныхъ свѣдѣній по географіи и исторіи древняго міра. Какъ воспитательное средство, школа для меня представляла лишь пустое мѣсто. Во всю свою жизнь я былъ замѣчательно неспособенъ овладѣть вполне какимъ-либо языкомъ»,—т.-е. организмомъ языка, какъ нѣкоторымъ живымъ цѣлымъ. Въ англійскихъ классическихъ школахъ, между прочимъ, ученики упражняются въ сочиненіи стиховъ,—глубоко архаическій остатокъ, но онъ приучаетъ къ гибкости языка и мысли, къ подвижности, изобрѣтательности въ словѣ и, также, напрягаетъ воображеніе. Вообще дѣти и добровольно этимъ охотно занимаются, но замѣчательно что Дарвинъ не только питалъ къ этому занятію отвращеніе, но и совершенно ничего не могъ сдѣлать съ задавае-

мыми темами. Едва онъ нашель выходъ изъ затрудненія: «У меня было много друзей, мы вмѣстѣ собрали хорошую коллекцію старинныхъ стихотвореній, и, кое-какъ склеивая разные стихи, иногда съ помощью другихъ мальчиковъ, мнѣ удавалось достигъ чего нибудь». Примѣръ еще апріорнаго предрасположенія преодолѣвать встрѣченную трудность, которое мы позже встрѣтимъ въ его объясненіяхъ. Въ остальномъ ученіе шло успѣшно: Дарвинъ былъ прилеженъ и, имѣя хорошія способности, особенно память, онъ не только не отставалъ въ своихъ урокахъ, но и успѣвалъ приготовить ихъ за день впередъ. «Я выучивалъ 40—50 строкъ *Виргилія* или *Гомера*, пока былъ на утренней молитвѣ въ часовнѣ». Вообще онъ «добросовѣстно работалъ надъ классиками и никогда не прибѣгалъ, какъ часто дѣлали другіе, къ подстрочникамъ». Такъ проходили годы его отрочества и первой юности—лучшіе годы всякой человѣческой жизни. Онъ, однако, не оставлялъ или предполагалъ, что не можетъ оставить хорошаго впечатлѣнія: «Когда я вышелъ изъ школы,—пишетъ онъ нѣсколько угрюмо,—я былъ по возрасту не слишкомъ великъ и не слишкомъ малъ, и думаю, что всѣ мои учителя, да и мой отецъ считали меня очень дюжиннымъ мальчикомъ, скорѣе даже нѣсколько ниже обыкновеннаго умственнаго уровня».

Итакъ, эти ученическіе годы были тѣмъ, о чемъ сказалъ и Пушкинъ, примѣнительно къ своей, по способностямъ, по плодамъ геніальной эпохѣ:

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Для Пушкина, какъ и для Дарвина, осталась здѣсь незамѣченною одна великая, благодатная, охраняющая черта: незанятость, непоглощенность души извнѣ навязываемыми, въ опредѣленномъ порядкѣ, впечатлѣніями. И, между тѣмъ, дѣти, собранныя въ такую школу, учились; они были окружены книгами и учителями; они обратились сюда для образованія, безъ всякой другой нужды и заботы; атмосфера духовная, атмосфера умственнаго возбужденія, однако безъ всякой принудительности, навязчивости или, по крайней мѣрѣ, оставляющая широкій досугъ. Байронъ или Пушкинъ въ этой школѣ зрѣли свободно для версификаціи; Дарвинъ зрѣлъ для своей особенной—великой въ исторіи, если не передъ истиной—задачи. «Ты ни о чемъ не думаешь,—вскричалъ однажды на него отецъ,—какъ только объ охотѣ, о собакахъ и о ловлѣ крысъ; ты будешь позоромъ и для себя, и для всей семьи». Онъ не догадывался, что именно въ этихъ шалостяхъ, въ этомъ баловствѣ зрѣлъ будущій Дарвинъ, какъ зрѣлъ и Пушкинъ, серьезно зрѣлъ, когда онъ

Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ.

II.

Страсть къ собранію коллекцій, связанная съ пребываніемъ на воздухѣ, въ лѣсу, въ полѣ, дѣйствительно скоро осложнилась у Ч. Дарвина страстью къ охотѣ. Когда онъ былъ у Ботлера, онъ дни цѣлые просиживалъ надъ удочкою, слѣдя терпѣливо за поплавкомъ; съ лѣтами въ немъ воспреобладала страсть къ ружью. «Не думаю,—пишетъ онъ,—чтобы кто-либо выказалъ столько рвенія къ самому священному дѣлу, сколько я обнаружилъ при стрѣльбѣ птицъ. Какъ отлично я помню день, когда убилъ перваго бекаса; мое возбужденіе было такъ сильно, что я съ величайшимъ трудомъ могъ перезарядить ружье — до того у меня дрожали руки». Онъ сталъ отличнымъ стрѣлкомъ. Уже гораздо позднѣе, въ Кембриджѣ, въ свободные часы учебныхъ мѣсяцевъ, онъ упражнялся въ мѣткости стрѣльбы, туша пистонами зажженную свѣчу, которою просилъ товарища махать; «что за удивительное дѣло,—замѣтилъ тьюторъ, — мистеръ Дарвинъ, кажется, по цѣлымъ часамъ занимается тѣмъ, что хлопаеть въ своей комнатѣ бичемъ».

На 17-мъ году онъ перешелъ отъ Ботлера въ Единбургскій университетъ, гдѣ старшій братъ его оканчивалъ медицинское образованіе; повидимому, у отца его было намѣреніе и второго сына сдѣлать докторомъ. Но ученіе и здѣсь хотя текло безъ всякихъ замѣтныхъ прорѣхъ, однако, какъ и въ «строгой классической школѣ», въ Шрусбери, было безжизненно, не было внутренне напряжено, безъ «огонька» въ учащемся, и, кажется, въ самихъ учителяхъ. «Преподаваніе происходило исключительно по лекціямъ,—вспоминаетъ онъ,—которыя были невыносимо скучны, исключая лекцій Гопа по химіи; но, по моему, лекціи, по сравненію съ чтеніемъ, не представляютъ никакихъ преимуществъ, отличаясь многими невыгодными сторонами. Лекціи д-ра Донкана о *Materia medica* въ 8 часовъ утра зимою—это нѣчто, о чемъ страшно вспомнить. Д-ръ Монро читалъ объ анатоміи человѣка; его лекціи были такъ же вялы, какъ и онъ самъ, и самый предметъ былъ для меня противенъ». Понимая, въ старости, важность анатомическихъ знаній для своихъ послѣдующихъ трудовъ, онъ съ большою досадою отмѣчаетъ, что его своевременно не принудили работать надъ разсѣченіемъ труповъ. Этотъ пробѣлъ остался непоправимымъ, какъ и его неумѣнье рисовать: «моя неспособность къ рисованью» — отмѣчаетъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ, во время экспедиціи на кораблѣ «Бигль», онъ накопилъ «ворохъ манускриптовъ, но по недостатку анатомическихъ у меня свѣдѣній и неспособности къ рисунку—онъ оказался въ научномъ отношеніи бесполезнымъ». На второй годъ ему пришлось слушать лекціи Джемсона по геологіи и зоологіи, «но,—записываетъ онъ,—онѣ были невѣроятно вялы; единственный эффектъ, произве-

денный ими на меня, состоялъ въ томъ, что я рѣшился никогда въ жизни не читать ни одной книги по геологiи и ни за что не изучать этой науки».

Такимъ образомъ, по всѣмъ этимъ краткимъ отмѣткамъ, мы видимъ, что естествознаніе собственно какъ наука, какъ методическое изученіе, было у него на второмъ планѣ. И тѣмъ обильнѣе, уже съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, въ немъ разрасталось—если можно такъ выразиться—естествознаніе «глазъ», «созерцанія», «непосредственнаго», но внѣшняго наблюденія природы. Такъ, о десятилѣтнемъ возрастѣ, когда онъ былъ лишь на годъ старше тѣхъ лѣтъ, въ которыя ничего не могъ запомнить о матери, онъ точно записываетъ: «поѣхавъ на три недѣли въ Пласъ Эдварсъ, на морскомъ берегу въ Уэльсѣ, я былъ заинтересованъ и удивленъ, увидѣвъ одно крупное, черное съ краснымъ, полу-жесткокрылое насѣкомое, нѣсколькихъ мотыльковъ (*Zygena*) и одного жука (*Cicindela*), не встрѣчающихся въ Шронширѣ».—«Я почти задался, — посвяняетъ онъ, — дѣлю собирать всѣхъ насѣкомыхъ, какихъ только могъ найти мертвыми, потому что, посоветовавшись съ сестрой, пришелъ къ заключенію, что нехорошо убивать насѣкомыхъ ради составленія коллекцій». Въ то же время, онъ сталъ наблюдать надъ нравами птицъ. «Это доставляло мнѣ, — пишетъ онъ, — большое удовольствіе и я сталъ даже составлять по этому предмету замѣтки». Онъ былъ, судя по окружающимъ эту замѣтку воспоминаніямъ, еще совершенный ребенокъ въ это время: очевидно, здѣсь пробивался никѣмъ пока не замѣченный талантъ. Однако въ 1826 году, т.-е. только 17 лѣтъ, онъ уже дѣлаетъ первое, хоть и миниатюрное, но новое открытіе: «открытіе состояло въ томъ, что такъ называемыя яйца у *Flustra* обладаютъ способностью произвольнаго движенія помощью рѣсничекъ и что это на самомъ дѣлѣ личинки»; скоро къ этому онъ прибавилъ и еще наблюденіе, ускользавшее ранѣе отъ всѣхъ, — «что маленькія шаровидныя тѣла, о которыхъ предполагали, что это незрѣлое состояніе *Fucus lorens*, на самомъ дѣлѣ ни что иное, какъ личныя оболочки червеобразной *Pontobdella muricata*». Въ немъ зрѣлъ наблюдатель, натуралистъ.

Въ этотъ же 1826 годъ онъ совершилъ первое свое путешествіе-экскурсію: «пѣшкомъ, съ двумя товарищами, имѣя ранцы на спинахъ, мы прошли по сѣверному Уэльсу. Большую часть дней мы шли, — рассказываетъ онъ, — по тридцати англійскихъ миль, включая день восхожденія на Сноудонъ. Я также совершилъ съ сестрой поѣздку въ Сѣв. Уэльсъ; слуга везъ наши платья въ сѣдельныхъ вьюкахъ. Обѣ осени были посвящены охотѣ, главнымъ образомъ у мистера Оуэна и у моего дяди Джосси, въ Мэрѣ. Мое рвеніе было такъ велико, что я бывало ставилъ мои охотничьи сапоги наготовѣ у изголовья, когда ложился спать, чтобы не потерять и полминуты на одѣванье ихъ утромъ. Въ одномъ случаѣ я достигъ

отдаленной части помѣстья Мэръ, 20-го августа, охотясь за глухарями, и только тогда замѣтилъ, гдѣ я. Затѣмъ я цѣлый день, вмѣстѣ съ лѣсничимъ, съ трудомъ пробирался сквозь густой верескъ и чащу молодыхъ сосенъ». Въ немъ, въ эти годы университетской жизни, пробуждалось нѣчто въ родѣ стыда къ своему любимому занятію: «Я старался убѣдить себя, что охота—почти умственное занятіе, такъ какъ она требуетъ столько искусства для того, чтобы судить, гдѣ найти больше дичи и какъ лучше всего спустить собаку». Предостереженіе отца имѣло всѣ видимости сбыться.

III.

«Казалось, въ эти годы—припоминаетъ Дарвинъ, — что жизнь празднаго спортсмена-охотника всего болѣе соотвѣтствуетъ моимъ склонностямъ». Отецъ, видя, что никакого доктора изъ него не выйдетъ, предложилъ ему сдѣлаться священникомъ. Такъ же безъ отвращенія и безъ страсти, какъ онъ готовъ былъ стать докторомъ, онъ былъ готовъ стать и священникомъ. «Я просилъ нѣсколько времени подумать, — пишетъ онъ, — такъ какъ изъ того немногаго, что слышалъ или мыслить по этому вопросу, я чувствовалъ для себя щекотливымъ объявить, что вѣрую во всѣ догматы англиканской церкви: хотя въ другомъ отношеніи я охотно склонялся къ мысли стать сельскимъ священникомъ. Поэтому я прочелъ съ величайшимъ вниманіемъ книгу Персона о символѣ вѣры и нѣсколько другихъ книгъ по божественнымъ предметамъ, и такъ какъ тогда не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ строгой и буквальной истины каждаго слова въ Библии, то скоро убѣдилъ себя въ томъ, что наши догматы вѣры должны быть всецѣло приняты».

Для занятія предполагаемой должности нужно было ему получить училищную степень, и для этого, въ 1828 году, онъ отправился въ Кембриджскій университетъ. Оказалось, однако, что за два года онъ забылъ все изъ классиковъ и даже забылъ нѣкоторыя греческія буквы. Принуждены были взять ему репетитора. О годахъ новаго университетскаго ученія, онъ пишетъ: «Въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Кембриджѣ, я тратилъ время по-пустому — во всемъ, что касается университетскихъ занятій. Я пытался взяться за математику, и даже взялъ для этого частнаго учителя, — но подвигался очень медленно. Эти занятія были мнѣ противны, главнымъ образомъ по моей неспособности понять какой-нибудь смыслъ элементарныхъ дѣйствій алгебры. Спустя годы, я очень жалѣлъ, что не принудилъ себя подвинуться хотя бы настолько, чтобы понять что-либо въ руководящихъ началахъ математики, такъ какъ я замѣчалъ, что обладающіе этою отраслью знанія обладаютъ какъ бы лишнимъ органомъ чувства; не думаю, однако, чтобы и при усиліяхъ я достигъ чего-либо выше очень низкой ступени. Отно-

нительно классиковъ я не дѣлалъ ничего, исключая посѣщенія немногихъ обязательныхъ лекцій, и посѣщенія мои были почти номинальны». На третій годъ, однако, онъ началъ работать серьезно— для получения степени бакалавра; между прочимъ, нужно было пройти «Свидѣтельства христіанства» Палея и его же «Нравственную философію».—«Это было, —пишетъ Дарвинъ,—сдѣлано основательно, и я увѣренъ, что могъ бы написать на память всѣ «Свидѣтельства» совершенно правильно, но, конечно, не яснымъ слогомъ Палея. Логика этого сочиненія и, могу прибавить, его «Естественнаго богословія» доставляли мнѣ столько же удовольствія, какъ и Эвклидъ». Ни геологіи, которую читалъ въ Кэмбриджѣ знаменитый Сэдживикъ, ни ботаники, которую читалъ талантливый Генслоу, онъ не сталъ изучать; Сэдживика даже не слушалъ; но бывали экскурсіи: «эти экскурсіи, —записываетъ Дарвинъ,—были восхитительны».

IV.

Такъ шло его воспитаніе до 1831 г., когда онъ кончилъ курсъ университета, готовый на завтра стать священникомъ. Ему было 22 года. Печать чего-то свѣтлаго и спокойнаго, непрерывно спокойнаго, лежитъ на всемъ его дѣтствѣ и юности; ничего выдающагося, никакого потрясенія, никакого бурнаго кризиса, ни даже сильной любви (о «шалостяхъ» молодости онъ передаетъ въ одномъ мѣстѣ воспоминаній). Самыя легкія, апріорныя предрасположенія (въ занятіяхъ и способахъ умозаключенія); замѣтное преобладаніе внѣшнихъ способностей надъ внутренними; любовь къ ландшафту, къ природѣ, къ движенію (охота); совершенное отсутствіе субъективизма; отсутствіе влеченія заглядывать внутрь предметовъ. Вѣроятно, въ связи съ этимъ, въ немъ было замѣчательное отсутствіе музыкальныхъ способностей: «Я до того былъ лишенъ музыкальнаго слуха, —пишетъ онъ,—что не могъ никогда замѣтить диссонанса, выдержать тактъ или правильно промурлыкать мелодію», —что вызвало надъ нимъ даже шутки товарищей, забавлявшихся тѣмъ, что онъ не можетъ узнать одной и той же мелодіи, если играть ее нѣсколько скорѣе или нѣсколько медленнѣе. Онъ уже прочелъ къ этому времени, «среди разныхъ книгъ», историческія, т.-е. представляющія занимательность факта, драмы Шекспира, «Времена года» Томсона и только что появившіяся тогда поэмы Вальтеръ-Скотта и Байрона; онъ ему нравились, но не волновали его. Позднѣе любовь къ поэзіи въ немъ вовсе угасла. Уже отмѣчена была его нелюбовь къ разсѣченію труповъ; но—едва ли не въ связи съ отсутствіемъ субъективизма—у него и вообще не было интереса къ внутренней сторонѣ предметовъ и явленій, такъ сказать къ анализу ихъ содержанія. «Все, о чемъ я заботился, собирая мине-

ралы—это о томъ, чтобы пріобрѣсти минераль съ новымъ названіемъ, и едва ли пытался ихъ классифицировать», записываетъ онъ. Но вотъ передъ нимъ лугъ, холмы, лѣсъ—и онъ жадно бросался въ нихъ и разглядывалъ все, что здѣсь попадалось; умѣлъ искать, имѣлъ талантъ находить, подмѣчать: страстный охотникъ неуловимо переходилъ въ точнаго натуралиста, глазъ котораго не только не дѣлалъ ошибокъ, но и подмѣчалъ то, что ранѣе отъ всѣхъ ускользало. Въ высшей степени—внѣшняя природа, въ высшей степени—талантъ ко всему внѣшнему.

Онъ или не проходилъ вовсе, или проходилъ невнимательно основныя естественныя науки: анатомію, геологію; эмбриологіи и гистологіи въ это время еще не существовало иначе какъ въ зачаткахъ; не зналъ фундамента естествознанія—математики, иначе какъ въ элементахъ. Что касается такъ называемаго «общаго образованія», то, припоминая встрѣчу свою, въ 1827 году, съ Мэкинтошемъ, онъ отмѣчаетъ нѣсколько неделикатно къ себѣ: «я понималъ столько же, сколько свинья, въ вопросахъ исторіи, политики, нравственной философіи, о которыхъ онъ говорилъ». Но все искупалось, въ виду задачъ, ему предстоявшихъ, неизсякаемой любовью къ факту, неутомимою жаждою природы, яснымъ здравомысленнымъ сужденіемъ (любовь къ Эвклиду). Одновременно съ тѣмъ, какъ онъ изучалъ «Свидѣтельства христіанства» Палея, любяеб ихъ логикой,—онъ такъ передаетъ о своихъ главныхъ занятіяхъ, почти съ юношескою свѣжестью воспоминанія, хотя оно было записано въ старости:

«Но ни одно занятіе въ Кэмбриджѣ не выполнялось мною такъ ревностно и не доставляло мнѣ столько удовольствія, какъ собираніе жуковъ. Это была простая страсть къ коллекціонированію, потому что я не анатомировалъ ихъ и рѣдко сравнивалъ ихъ внѣшніе признаки съ опубликованными уже описаніями, но добывалъ ихъ съ названіями, получивъ ихъ какъ угодно. Дамъ здѣсь доказательство моего усердія: однажды, оборвавъ немного старой коры, я увидѣлъ двухъ рѣдкихъ жуковъ и схватилъ ихъ въ руки, затѣмъ, я увидѣлъ третій новый видъ, котораго ни за что не хотѣлъ потерять: тогда я схватилъ того, который былъ въ правой рукѣ, въ ротъ. Увы! Онъ выбросилъ немного необычайно ѣдкой жидкости, которая обожгла мнѣ языкъ, такъ что я былъ вынужденъ выплюнуть жука, и потерялъ какъ его, такъ и третьяго. Я очень удачно собиралъ коллекціи и придумалъ два новыхъ метода: заставлялъ работника зимою соскабливать мохъ со старыхъ деревьевъ и класть въ большой мѣшокъ, а также собирать мусоръ на днѣ баржъ, въ которыхъ возятъ камышъ изъ болотъ, и такимъ образомъ добылъ нѣсколько очень рѣдкихъ видовъ. Ни одинъ поэтъ не испытывалъ большаго восхищенія, читая свою первую напечатанную поэму, чѣмъ испытывалъ я, увидя въ изданіи Стефенса, «Иллюстрація бри-

танскихъ насѣкомыхъ», магическія слова: «пойманъ Ч. Дарвиномъ, эсквайромъ» (стр. 18).

Слѣдуетъ здѣсь еще отмѣтить одну черту—черту необыкновеннаго нравственнаго здоровья во всѣхъ условіяхъ, среди которыхъ росъ Дарвинъ, и особенно въ людяхъ, съ которыми онъ сталкивался (характеры Фицъ-Роя, дяди Джосси, да и многихъ другихъ). Правда, никакого особеннаго углубленія мы въ нихъ не наблюдаемъ, но и никакого искаженія, извращенія. Полная противоположность тому, что мы находимъ въ условіяхъ и въ средѣ воспитания, напр., Вольтера или Руссо. Здоровый ландшафтъ кругомъ—и люди здоровые и свѣжіе почти какъ этотъ ландшафтъ.

Если даръ вѣшняго созерцанія былъ преобладающею чертою въ умственныхъ способностяхъ Дарвина, то въ его нравственномъ складѣ насъ поражаетъ—пассивность. Онъ всѣмъ готовъ стать, но ничѣмъ—съ горячностью. Мы уже видѣли, какъ онъ одинаково безстрастно колебался между профессіей медика и дѣятельностью священника, съ равнымъ интересомъ изучалъ Эвклида и Палея, добросовѣстно, «безъ подстрочниковъ», работалъ надъ классиками. Любопытно, что путешествіе на корабль «Бигль», продолжавшееся пять лѣтъ и сдѣлавшее его собственно тѣмъ Дарвиномъ, какого мы знаемъ, было для него случайностью: онъ не искалъ ни этой, ни вообще какой-нибудь экспедиціи. Предложеніе капитана Фицъ-Роя «уступить часть своей каюты любому молодому человѣку, который согласится бесплатно поѣхать съ нимъ въ качествѣ натуралиста»—смутило мысли завтрашняго священника и вмѣстѣ любителя коллекцій. Но отецъ возразилъ,—и въ тотъ же вечеръ Дарвинъ написалъ отказъ. Однако вмѣшался добрый его дядя Джосси: «во время охоты онъ послалъ за мною, предложивъ мнѣ повезти меня въ Шрусбери и поговорить съ моимъ отцомъ, такъ какъ онъ находилъ, что съ моей стороны будетъ умно принять предложеніе». Безъ всякаго труда отецъ согласился, «и вотъ,—замѣчаетъ самъ Дарвинъ,—отъ такого-то пустого обстоятельства зависѣло важнѣйшее событіе всей моей жизни, опредѣлившее мою дальнѣйшую судьбу». Замѣчательно и многозначительно, однако, медленное, неуловимое почти сложеніе этой судьбы, внѣ всякихъ предвидѣній и опредѣленныхъ цѣлей въ ея носителѣ. Дарвинъ, уже старикъ, говоритъ:—«Оглядываясь назадъ, я теперь могу вспомнить, какимъ образомъ моя любовь къ наукѣ постепенно стала одерживать верхъ надъ всякою иною страстью: въ первые два года путешествія моя старинная страсть къ охотѣ удерживалась почти во всей силѣ, и я самъ стрѣлялъ всѣхъ птицъ и животныхъ для своей коллекціи, но постепенно я все болѣе и болѣе, а подъ конецъ и совсѣмъ, передалъ свое ружье слугѣ, такъ какъ стрѣльба мѣшала моей работѣ, главнымъ образомъ геологическому изслѣдованію страны. Я убѣдился, хотя безсознательно и незамѣтно, что удовольствіе наблюденія и разсужденія—гораздо

болѣе высокаго сорта, нежели то, которое доставляется ловкостью и спортомъ всякаго рода». Границы, проведенной между охотникомъ и натуралистомъ, между натуралистомъ и мыслителемъ, не только мы не видимъ, но она потеряна, неощутима и въ сознаниіе его самого.

Если его воспоминанія, сухія и внѣшнія какія-то, мы сравнимъ съ обрывками воспоминаній о себѣ, напримѣръ, Декарта или Бэкона, мы будемъ поражены отсутствіемъ въ немъ всякой вообще игры внутреннихъ силъ, всякихъ порывовъ творчества, неясныхъ, смутныхъ и вмѣстѣ неодолимыхъ влеченій. Грезъ мысли онъ также не зналъ, какъ не зналъ и грезъ любви. «Моя способность слѣдить за продолжительнымъ и чисто отвлеченнымъ ходомъ мысли—очень ограничена»,—записываетъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Въ самомъ концѣ автобіографіи онъ дѣлаетъ общій, синтетическій очеркъ своего душевнаго склада, какъ онъ установился во вторую половину жизни его. «До 30-лѣтняго возраста или нѣсколько далѣе того, поэзія разнаго рода, въ родѣ сочиненій Мильтона, Грѣя, Байрона, Водсворта, Кольриджа и Шелли—доставляла мнѣ большое удовольствіе, и также доставляли его картины и музыка. Но теперь, вотъ уже много лѣтъ, какъ я не могу вынести чтенія ни одной строчки стиховъ. Попробовалъ недавно читать Шекспира и нашелъ его до того невыносимо скучнымъ, что меня стошнило. Я также почти утратилъ вкусъ къ картинамъ и къ музыкѣ. Музыка обыкновенно заставляетъ меня думать слишкомъ энергично о томъ, надъ чѣмъ я работалъ, вмѣсто того, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. Я сохраняю нѣкоторый вкусъ къ прекраснымъ ландшафтамъ, но они не причиняютъ мнѣ изысканнаго наслажденія. Съ другой стороны, повѣсти или произведенія воображенія, хотя и не очень высокаго сорта, въ теченіе многихъ лѣтъ были для меня чудеснымъ облегченіемъ и наслажденіемъ, и я часто благословляю всѣхъ беллетристовъ. Изумительное количество было прочитано мнѣ вслухъ, и мнѣ нравятся всѣ, если они сносны и если не оканчиваются несчастливо, противъ чего слѣдовало бы издать законъ. По моему вкусу, повѣсть можетъ считаться первоклассной лишь при томъ условіи, чтобы въ ней была какая-нибудь личность, которую можно полюбить отъ всей души,—и если это хорошенькая женщина, то всего лучше». Въ высшей степени травоядное чувство... къ человѣку, къ поэзіи. Мы выше привели уже его собственный способъ сочинять стихи (въ школѣ).

Неуловимо для него самого, скрыто отъ всего цивилизованнаго міра—черты его духа и судьбы, всѣ отразились на его теоріи. Онъ въ ней не міръ обрисовалъ, еще менѣе—объяснилъ его; онъ въ ней себя выразилъ.

V.

Дарвинизмъ есть внѣшнее объясненіе природы, есть взглядъ, снаружи брошенный на живой міръ и скользящій по его поверхности. Широкій, но не проникающій геній натуралиста въ высшей степени сказался въ немъ. Всѣ факторы, образующіе формы этого міра—найлены не скальпелемъ, усмотрѣны не подъ микроскопомъ, но найдены въ лѣсу, въ полѣ, подмѣчены въ нравахъ животныхъ и въ обстоятельствахъ, если можно такъ выразиться, ихъ быта: этотъ лѣсъ, эти деревья—даютъ окраску имъ; здѣсь ищутъ они пищу и, не находя ея достаточно—борются за существованіе. Формы (органическія) не рождаются изнутри, но дѣлаются снаружи—почти такъ, какъ творецъ теоріи дѣлалъ «поэзію», склеивая разные стихи старыхъ авторовъ. Природа даетъ обиліе всевозможныхъ новыхъ измѣненій, но наружные факторы отбрасываютъ ненужное въ нихъ и оставляютъ жить, закрѣпляютъ существованіе только за «полезнымъ». Такъ лѣпится великая органическая поэма черезъ «подборъ» случайныхъ признаковъ, и если въ ней болѣе мысли или красоты, чѣмъ въ подававшихся д-ру Ботлеру стихахъ,—этого не чувствовалъ ихъ авторъ. Нѣтъ въ этой лѣпкѣ формъ живого участія самой природы; она не есть субъективное, само-созидающееся «я»; нѣтъ въ ней вообще субъективнаго, внутренняго—вотъ коренная мысль дарвинизма и главная черта Дарвина. Какъ онъ—природа инертно готова стать всѣмъ, но чѣмъ становится—это опредѣляетъ среда, опредѣляетъ случай, какъ дядя Джоссія нѣкогда опредѣлил въ сущности весь дарвинизмъ и роль его въ новомъ просвѣщеніи. Только внѣшніе стимулы есть; нѣтъ вовсе внутреннихъ предрасположеній, нѣтъ ничего апіорнаго въ природѣ, нѣтъ генія въ ней—и только обыкновенная способность всѣмъ сдѣлаться, какъ у него—обыкновенная способность всему научиться. Развивается органъ—это вслѣдствіе приспособленія къ условіямъ среды *); индивидуумъ измѣняется—это давить на него среда; одно атрофируется въ особяхъ того же вида, опадаетъ, другое пышно расцвѣтаетъ: это—случайныя видоизмѣненія, медленно суммирующіяся въ борьбѣ за существованіе. Моментъ медленности, постепенности, сложенія неуловимо малаго—что было случайно и малоцѣнно, а выросло въ большое и важное, есть отличительный въ теоріи дарвинизма, неистребимый въ Дарвинѣ, неутомимомъ коллекціонерѣ, который такъ медленно и постепенно, «безъ всякихъ рѣзкихъ переходовъ», сталъ первымъ свѣтиломъ своего времени и самъ спрашивалъ и не находилъ отвѣта: «когда я такимъ сталъ?» Никакого плана—у него

*) Мысль, собственно принадлежащая Ламарку, но зачисляется верѣдко въ составъ дарвинизма при нѣсколько компактномъ и общемъ его представленіи.

и въ ней; никакой цѣли, никакого преднамѣренія у творца теоріи, и—въ природѣ, имъ созерцаемой. Въ его безстрастномъ темпераментѣ ни разу не зародилось даже каприза, нетерпѣливо ищущаго выразиться; и, сколько онъ ни слушалъ глухою душою своею лоно природы—онъ тамъ не открылъ никакихъ горячихъ, живыхъ токовъ. Широкимъ, необычайно широкимъ взглядомъ окинулъ онъ міръ, но было именно въ этомъ взглядѣ что-то скользящее, созерцающее: дивный взглядъ охотника и тотъ странный недостатокъ уха, который насчитывалъ двѣ разныхъ мелодіи тамъ, гдѣ была одна, но разнаго темпа. Единства мелодій міра онъ не уловилъ; бѣдный рюмачъ—онъ не уловилъ его поэзіи, любитель Палея—онъ вовсе не понялъ его религіи. Послушаемъ, что говоритъ онъ:

«Жирафа обрываетъ всѣ низко растущія вѣтви деревьевъ; остаются только высоко растущія: всѣ жирафы вытягиваютъ къ нимъ шею; но нѣкоторыя все-таки не дотягиваются и вымираютъ—«переживаютъ» только съ шею, болѣе удлиненною».

Это изумительно ясно и кратко. Это—что-то изъ Эвклида, изъ первыхъ его теоремъ: равенство треугольниковъ, и то понимаемое при условіи, если они не очень уродливо нарисованы. Но мы знаемъ, какъ затруднялся Дарвинъ, когда пытался проникнуть дальше ихъ. «Никогда, никогда я не могъ предположить,—говорилъ уже старцемъ Агассисъ,—чтобы подобныя умозаключенія могли получить торжество въ наукѣ». Агассисъ былъ палеонтологъ, т.-е. занимался разъясненіемъ органическихъ остатковъ, находимыхъ въ земной корѣ; Келликеръ былъ гистологъ—онъ изучалъ тончайшія строенія тканей; Вэръ основалъ эмбриологію—науку о зароженіи и развитіи организмовъ. Всѣ они смотрѣли на природу изнутри ея формъ, ея процессовъ; тамъ они съ несомнѣнностью видѣли проявленіе ея субъективныхъ, зиждительныхъ законовъ: въ нѣсколько дней и иногда часовъ построяется, по удивительному плану, животный организмъ, и они спрашивали, имѣли тенденцію спросить, не такъ-ли, не аналогично-ли въ тысячелѣтіяхъ и міръ былъ построенъ? Но эти тайны Дарвинъ хотя и зналъ, конечно,—но онъ узналъ ихъ позже, когда уже были образованы его собственные, лѣсные и полевые, взгляды; а, главное, онъ не увидѣлъ ихъ своимъ чудеснымъ глазомъ: онъ узналъ ихъ книжно, какъ чужія, навязываемыя знанія—и это всегда его утомляло еще со временъ, когда онъ слушалъ о *Materia medica* Донкана, и никогда книга въ немъ не вызывала живыхъ размышленій.

Между тѣмъ, простота и краткость новой схемы восторжествовала и заразила міръ: историкамъ и моралистамъ, этикамъ и социологамъ она была не менѣ понятна, какъ и натуралистамъ. Всѣ въ ней нашли методъ мысли, путь исканій и открытій, способъ становиться учеными и мыслителями. Это было впервые въ исторіи, когда методъ растлил ученый міръ, растлил самый умъ человѣ-

ческій, не требуя отъ него усилій усвоенія и приложенія, понятный младенцу, какъ и старику,—какъ несомнѣнно растлилъ бы человѣческій умъ тотъ, кто вдругъ показалъ бы въ высокой степени правдоподобно, что для объясненія планетныхъ движеній, для познанія механики и физики излишни коническія сѣченія, анализъ и дифференціалы, и совершенно достаточно знаніе свойствъ элементарныхъ фигуръ, чертимыхъ при помощи линейки и циркуля.
